

# ПАДШИЙ



РЕНЕ АХДИЕ

ЗАЧЕМ ЖИТЬ ВЕЧНО БЕЗ ЛЮБВИ?

Young Adult. Сумеречная жажда. Рене Ахдие

Рене Ахдие

**Падший**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)  
ББК 84(7Сое)-44

**Ахдие Р.**

Падший / Р. Ахдие — «Эксмо», 2020 — (Young Adult.  
Сумеречная жажда. Рене Ахдие)

ISBN 978-5-04-155881-9

Селина чудом выжила после страшных событий в соборе Сен-Луис. Ради спасения Себастьяна ей пришлось пожертвовать своими воспоминаниями. Но и Себастьян заплатил непомерную цену за любовь к Селине: его прокляли и обратили в вампира. Теперь договор между Падшими и Братством оборотней нарушен. Новая война между заклятыми врагами неизбежна. Чтобы не потерять Селину навсегда, Себастьян должен найти бессмертного разрушителя Сюнана. Только он способен избавить юношу от проклятия.

УДК 821.111-312.9(73)  
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-155881-9

© Ахдие Р., 2020  
© Эксмо, 2020

## Содержание

Пробуждение	6
Бастьян	7
Одетта	10
Бастьян	19
Бастьян	25
Эмили	34
Одетта	38
Джей	41
Бастьян	47
Бастьян	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

# Рене Ахдие

## Падший

© Д. Кандалинцева, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

\* \* \*

*Посвящается всем, кто осмелился ступить в дивный новый мир в  
поисках чего-то большего.*

*И Виктору, как всегда.*

*Каждый день на белом свете  
Где-нибудь родятся дети.  
Кто для радости рожден,  
Кто на горе осужден.*

**Уильям Блейк.**

**Прорицание Невинного<sup>1</sup>**

*Comme au jeu le joueur têtu,  
Comme a la bouteille l'ivrogne,  
Comme aux vermines la charogne,  
— Maudite, maudite sois-tu!*

**Charles Baudelaire,**

**Le Vampire**

*И как к игре игрок упорный,  
Иль горький пьяница к вину,  
Как черви к падали тлетворной,  
Я к ней, навек проклятой, льну.*

**Шарль Бодлер**

**Вампир<sup>2</sup>**

---

<sup>1</sup> Перевод С. Маршака.

<sup>2</sup> Перевод Эллиса (Л. Кобылинского).

## Пробуждение

Сначала нет ничего. Только тишина. Океан забвения всюду.

А затем обрывки воспоминаний становятся отчетливее. Шепот чужих голосов обретает смысл. И вот уже звучит смех той, кого он однажды любил; трещат в огне камина капли смолы; воздух пропитан ароматом сливочного масла, которое неспешно тает на ломте свежего хлеба.

А следом из хаоса появляются и видения, становясь четче и ярче с каждым мгновением. Рыдает юная девушка – ее глаза зеленые, точно изумруды, а волосы черные, как разлитые чернила, – она склоняется над ним, сжимает его перепачканную кровью руку и умоляет о чем-то, ее голос звучит хрипло.

«Кто же я такой?» – задается вопросом он.

Его охватывает злое веселье.

Он ничто. Никто. Навеки.

Запах крови наполняет его ноздри – тот самый аромат, сладкий, дурманящий. Точно благоухающая папайя на фруктовом прилавке в Сан-Хуане в детстве, когда сок тек по рукавам его рубашки.

Все его нутро заполняет голод. Не тот голод, который он привык испытывать, а всепоглощающая, всеобъемлющая пустота. Ноющая боль стискивает его мертвое сердце, и волна этой кровавой жажды бежит по венам. Голод пронзает его желудок, точно когти хищника, смыкающиеся на своей жертве. Гнев растет в его груди. Появляется нестерпимое желание найти что-нибудь и уничтожить. Отобрать чужую жизнь. Чтобы та заполнила пустоту внутри него. Там, где недавно плескался океан забвения, теперь бегут алые реки, и багрянец стекает, точно ливень, к его ногам, обращая его самого в дикое пламя.

«Мой город. Моя семья. Моя любовь».

«Так кто же я такой?»

Из полыхающего огнем гнева появляется имя:

«Бастьян. Меня зовут Себастьян Сен-Жермен».

## Бастьян

Я лежу неподвижно, и мое тело словно парит в невесомости. Его сковала судорога. Я ощущаю себя так, будто меня заперли в темной кладовке, я не могу говорить и задыхаюсь от мысли о своем собственном глупом поступке.

Дядя предупреждал меня однажды, когда мне было всего девять лет. С моим самым близким другом, Майклом, мы украли упаковку сигар, свернутых руками пожилой леди из Гаваны, которая работала на углу между улицами Бургунди и Сен-Луис. Когда дядя Нико застукал нас курящими в аллее рядом с рестораном «Жак», он отправил Майкла домой, и его голос звучал по-кладбищенски тихо. Плохой знак.

А потом дядя запер меня в кладовке с упаковкой этих самых сигар и коробком спичек. Он сказал мне, что я не выйду, пока не выкурю все сигары до единой.

Это был последний раз, когда я курил.

Мне потребовалось несколько недель, чтобы простить дядю Нико. И несколько лет, чтобы преодолеть отвращение к запаху табака. И полжизни, чтобы понять, почему ему так важно было преподать мне этот урок.

Я пытаюсь проглотить появившийся на языке призрачный привкус желчи. Не получается.

Я знаю, что сделал дядя Никодим. Хотя мои мысли до сих пор затянуты туманом – скрыты за завесой слабости моего умирающего тела, – я знаю, что он превратил меня в одного из них. Теперь я вампир, как и мой дядя. Как и моя мать, которая приняла свою финальную смерть добровольно, когда на ее губах блестела кровь, а в руках она сжимала мертвого человека.

Теперь я бездушный сын смерти, проклятый пить кровь живых до скончания времен.

Звучит глупо даже для меня, учитывая, что я еще мальчишкой узнал о существовании подобных монстров. Точно это какая-то шутка, рассказанная старой тетушкой, которая не умеет шутить, но обожает все драматизировать. Женщиной, которая может порезаться своим бриллиантовым браслетом и будет рыдать и стонать, если хоть одна капелька крови запачкает ее шелковые юбки.

И вот я снова становлюсь голодом. С каждым мгновением во мне все меньше и меньше человеческого. Все меньше от того, кем я однажды был, и все больше от того, кем я стану навеки. Демоном, жаждущим крови, которому все мало, которого не спасти.

Слепящий гнев следует по пятам за моей жадой, воспламеняясь, как дорожка из селитры, тянущаяся от бочки с порохом. Я понимаю, почему дядя Нико так поступил, однако мне потребуется не одна жизнь, чтобы простить его. Только самое жуткое стечение обстоятельств могло побудить его обратить последнего живого члена его смертной семьи – единственного наследника состояния Сен-Жерменов – в демона Другого мира.

Его род умер со мной, когда моя смертная жизнь оборвалась так внезапно и скоропостижно. Очевидно, такое решение стало для него последним утешением. Голос звенит у меня в голове – женский голос, эхо которого дрожит:

«Пожалуйста. Спасите его. Что я должна сказать, чтобы вы спасли его? Мы договорились?»

Когда я понимаю, кому принадлежит этот голос и что она сделала ради моего спасения, мне хочется завывать, но мой вой звенит в пустоте, где однажды была моя душа. Я не могу сейчас думать об этом.

Мой провал не позволяет думать об этом.

Достаточно уже мысли о том, что я, Себастьян Сен-Жермен, восемнадцатилетний сын попрошайки и вора, стал членом Падших. Я примкнул к роду кровососущих, к тем, кого изгнали с принадлежащих им по праву земель из Другого мира за их алчность. Существа ночи,

вступившие в войну длиной в несколько столетий со своими заклятыми врагами, с Братством оборотней.

Я пытаюсь заговорить, но у меня ничего не выходит, горло сдавливает, а тяжелые веки не поднимаются. В конце концов смерть слишком могущественный противник, ее не так легко победить.

Роскошный шелк шуршит у моего уха, и воздух наполняет сладковатый аромат. Неролиевое масло и розовая вода. Парфюм Одетты Вальмонт, моей близкой подруги, невозможно спутать ни с чем. На протяжении почти что десяти лет она оберегала мою жизнь. А теперь она стала моей кровной сестрой. Вампириша, обращенная тем же создателем.

Большой палец на моей правой руке вздрагивает, когда она встает ближе. И все-таки я до сих пор не могу проронить ни слова, не могу свободно двигаться. До сих пор я заперт в своей темной кладовке, и у меня нет ничего, кроме упаковки сигар и коробка спичек, а страх все бежит по венам, и голод щиплет язык.

Одетта рядом вздыхает.

– Он начинает приходить в себя. – Она делает паузу, и горькое сожаление звучит в ее голосе. – Он сильно разозлится.

Как и всегда, Одетта права. Однако в злости есть своего рода утешение. За ней таится обещание свободы: скоро у меня будет шанс выпустить свой гнев на волю.

– И имеет на это полное право, – говорит мой дядя. – Это самый эгоистичный поступок, который я когда-либо совершал. Если ему удастся пережить превращение, он возненавидит меня... как возненавидел меня Найджел.

Найджел. Одно только имя разжигает мою ярость с новой силой. Найджел Фитцрой, он стал причиной моей внезапной смерти. Он (а также Одетта и четверо других членов вампирской семьи моего дяди) защищал меня от врагов Никодима Сен-Жермена во главе с предводителем Братства. Годами Найджел поджидал удобного случая, вынашивал планы мести вампирам, которые украли его из родного дома и сделали демоном ночи. Притворяясь верным слугой, Найджел воплотил в жизнь несколько замыслов, подстроил события, которые должны были уничтожить самое ценное, что есть у Никодима: его живого наследника.

Меня предавали и прежде, предавал и я. Так уж устроен мир, когда ты живешь среди капризных бессмертных созданий и мастеров иллюзий, кружащих поблизости, словно тех, чей талант – создавать иллюзии вокруг, кто слетается к тебе как мухи. Всего два года назад моим любимым времяпрепровождением было обманывать и обворовывать самых плачевно известных колдунов города-полумесяца, которые нечестным путем заработали свое состояние. Худшие среди них свято верили в то, что простой смертный ни за что не сможет их одурачить. Возможность переубедить их приносила мне ни с чем не сравнимое удовольствие.

Однако я никогда не предавал собственную семью. И меня никогда не предавал вампир, который поклялся защищать меня. Кто-то, кого я любил как родного брата. Воспоминания быстро мелькают в моей голове. События, образы, радостный смех, десятилетия верной службы. Мне хочется кричать и ругаться. Орать что есть силы, словно одержимый.

Увы, я слишком хорошо знаю, насколько внимательно Бог слушает молитвы проклятых.

– Я позову остальных, – бормочет Одетта. – Когда он придет в себя, пусть видит, что мы все вместе.

– Оставь его в покое, – отвечает Никодим, – ибо он еще не вышел из темной чащи леса. – Впервые я слышу беспокойство и страх в его голосе, однако эти эмоции исчезают почти сразу. – Более трети моих бессмертных детей не пережили трансформации. Многих я потерял в первый год их бессмертной юности. Все это... может не сработать.

– Все обязательно сработает, – говорит Одетта без колебаний.



– Себастьян может впасть в безумие, как это случилось с его матерью, – продолжает Никодим. – В стремлении к смерти Феломена уничтожала все на своем пути, пока нам ничего другого не осталось, как только покончить с ужасами, которые она творила.

– У Бастьяна иная судьба.

– Не будь наивной. Такая судьба вполне может ждать и его.

Одетта отвечает совершенно спокойно:

– Это риск, на который вы пошли.

– Однако все равно риск. Именно поэтому я отказал его сестре, когда несколько лет назад она просила меня обратить ее. – Он выдыхает. – И в конец концов мы все равно ее потеряли в пожаре.

– Мы не потеряем Бастьяна, как потеряли Эмили. И его судьба не будет похожа на судьбу Феломены.

– Ты говоришь с такой твердостью в голосе, мой милый оракул. – Он делает паузу. – Это твой дар предвидения наделяет тебя незыблемой уверенностью?

– Нет. Несколько лет назад я поклялась Бастьяну, что никогда не стану заглядывать в его будущее. И я сдержала обещание. Однако я доверяю своему сердцу, которое говорит мне, что надежда восторжествует. Она... просто-напросто должна.

Несмотря на кажущуюся негибимую веру Одетты, я ощущаю ее беспокойство. Мне жаль, что я не могу взять ее за руку, сказать что-то ободряющее. Однако я по-прежнему заперт в своих мыслях, и мой гнев затмевает все остальное. Он оседает пеплом у меня на языке, пока во мне не остается ничего, кроме жажды. Желания быть любимым. Сытым. Но больше всего на свете мне хочется уничтожить все вокруг.

Никодим долгое время молчит.

– Увидим. Его гнев будет велик, в этом нет сомнений. Себастьян никогда не хотел становиться одним из нас. Он стал свидетелем того, какой ценой дается обращение, еще когда был ребенком.

Мой дядя отлично меня знает. Его мир отнял у меня всю родню. Я думаю о своих родителях, которые погибли много лет назад, пытаюсь меня защитить. Думаю о сестре, которая умерла, пытаюсь меня спасти. Думаю о Селине, девочке, которую я любил при жизни и которая меня больше не помнит.

Я никогда не предавал никого из тех, кого любил.

Однако никогда – просто большой отрезок времени, если у тебя впереди целая вечность, чтобы поразмыслить над этим.

– Но он может и поблагодарить вас за это, – говорит Одетта. – Однажды.

Дядя ничего не отвечает.

## Одетта

Одетта Вальмонт наслаждалась свистящим ветром, позволяла ему запутать ее темные кудри и растрепать фалды фрака. Она наслаждалась чувством невесомости, когда смотрела на Джексон-сквер внизу, правой рукой держась за холодный металлический шпиль крыши, а левым ботинком покачивая в вечернем воздухе.

– Ох, кажется, снова остались лишь ты и я, *n'est-ce pas?*<sup>3</sup> – пошутила она, взглянув на металлический крест, нависающий над ней.

Фигура Христа глядела на Одетту свысока с молчаливой задумчивостью.

Одетта вздохнула.

– Не сердись, *mon Sauveur*<sup>4</sup>. Ты прекрасно знаешь, что я ценю твои советы превыше многих. Нечасто существу вроде меня выпадает честь считать тебя одним из лучших друзей. – Лукавая усмешка появилась на ее губах.

Вероятно, такое фамиллярное обращение к Спасителю мира от демона ночи отдавало богохульством. Однако Одетта и впрямь очень нуждалась в совете – теперь как никогда прежде.

– Мне хочется верить, что ты слышишь мои молитвы, – продолжала она. – В конце концов, когда я была жива, я всегда исправно посещала воскресную мессу. – Она поднесла ухо к кресту. – Что-что? – Смех забулькал в ее бледном горле. – *Mais oui, bien sur!*<sup>5</sup> Я так и думала. Ты ведь простил грешников. Конечно, ты бы встретил меня с распростертыми объятиями. – Ее взгляд наполнился теплом. – По этой причине мы и останемся навсегда друзьями, до самого плачевного конца. – Она сделала паузу, словно вслушиваясь в ответ, который предназначался лишь для ее ушей. – Ты слишком добр, – сказала затем она. – Я не стану винить тебя в грехах людей, которые исковеркали твои непорочные слова и великодушные поступки, превратив их в инструмент власти и контроля. – И снова Одетта крутанулась вокруг шпиля крыши. – Прости их, ибо они не ведают, что творят! – пропела она, зажмурив глаза. Порыв ветра ударил ей в лицо.

Одетта взглянула на мир *Vieux Carré*<sup>6</sup> далеко внизу, и ее взгляд упал на камю, прикрепленную к вороту рубашки, на кремовую брошь из слоновой кости в окружении кроваво-красных рубинов. Ее *fetiché*<sup>7</sup>, который имел сразу два назначения, точно как две стороны ее жизни. Во-первых, камя служила Одетте оберегом, защищающим ее от солнечного света, а во-вторых, хранила воспоминания о далеком прошлом.

Высшее общество Нового Орлеана верило в то, что Одетта Вальмонт не представляет собой ничего, кроме беспечной юной особы, которая любит веселиться в компании своих друзей. Она просто молодая девушка, которая не любит ничего сильнее, чем порхать в центре зала в толпе людей, глядящих на нее с восхищением.

– Но кому же не нравится, когда на него обращают внимание? – произнесла Одетта в пустоту. – Уместно ли стыдить. – Теперь что же, винить меня и за такую, самую что ни на есть человеческую, эмоцию? В конце концов, красота, которой мы обладаем, создана для того, чтобы ей восхищались! – В этом заключалась одна из причин, по которой вампиры были такими опасными хищниками: их *beauté inégale*<sup>8</sup>, как любила называть ее Одетта. Невероятной красотой они заманивали жертв в свои объятия, которые становились для них последними.

---

<sup>3</sup> Не так ли? (*фр.*)

<sup>4</sup> Мой Спаситель (*фр.*).

<sup>5</sup> О, ну разумеется! (*фр.*)

<sup>6</sup> Французский квартал – историческая часть города в Новом Орлеане.

<sup>7</sup> Талисман (*фр.*).

<sup>8</sup> Несравненная красота (*фр.*).

Однако как только восхищенные взгляды исчезали и компании друзей расходились, Одетта скидывала свои провокационные брючные костюмы. Она забиралась по задней стене собора на крышу под покровом ночи, ее руки и ноги двигались уверенно, прокладывая себе путь к верхушке величественного здания, к самому высокому из трех шпилей, а в ее жилах текла темная энергия, наполняя тело нечеловеческими силой и ловкостью. Как только она забиралась наверх, она наслаждалась каждым мгновением в тишине и одиночестве.

Одетта была благодарна за возможность остаться наедине с собой там, где лишь Спаситель наблюдает за ней.

Ей всегда казалось странным, что люди верили в то, что веселье обязательно настигает каждого на вечеринках, где гремит громкая музыка, звучит задорный смех и шампанское течет рекой. Именно эта уверенность манила людей на в праздничную толпу. Однако Одетта была уверена, что все самое интересное происходит, наоборот, в мыслях. Ее воображение обычно оказывалось куда лучше, чем реальная жизнь вокруг. Не считая некоторых важных исключений, конечно же.

Например, ее первого настоящего поцелуя. Вкус сладкой ваты на губах Мари; смертное сердце Одетты, забившееся быстрее. Их руки едва заметно задрожали, а дыхание стало чаще.

Она вновь повернулась к молодому человеку на кресте. К Сыну Божьему.

– Моя любовь считается грехом? – поинтересовалась она не дрогнув, как спрашивала уже множество раз. И снова она получила тот же самый ответ. Одетта удовлетворенно кивнула и повторила, точно мантру: – В твоём послании была скрыта любовь. И ненависть никогда не должна брать верх над любовью.

И опять ее мысли потянулись к воспоминаниям, сокрытым в дальнем уголке сознания. Одетта вспомнила, как впервые столкнулась лицом к лицу со смертью в тот день, когда ее отца увели на гильотину, когда насмешки и оскорбления следовали за ним по пятам. Как он, несмотря ни на что, надел в тот день свой накрахмаленный парик, который остался на нем, даже когда лезвие опустилось на его шею. Плеск его крови, брызнувшей на камни, который невольно вызвал воспоминание о первом убийстве, совершенном Одеттой на следующую ночь после того, как она повстречала своего создателя. Она вспомнила возбуждение, наполнившее ее, когда она осознала, что теперь в ее жилах пульсирует сила, сравнимая с властью богов.

Пальчики Одетты побелели, сжавшись на металлическом шпиле. Вопреки популярному мнению, Одетта больше не держала ни на кого зла. Ни на кровожадных мужчин и женщин, которые оставили ее сиротой без средств к существованию, ни на своих родителей, которые не смогли когда-то возразить и дать сдачи. Ни на Никодима, который выкрал Одетту из барачков, где она когда-то жила. Ни на Мари, которая разбила Одетте сердце, как это часто бывает с первой любовью.

– Благодаря всему, что со мной приключилось, я научилась любить себя еще больше, – сказала она. – И разве это не лучший подарок, который могла преподнести жизнь после всех испытаний? Получить силы любить себя сегодня больше, чем ты любил вчера.

Одетта вздернула подбородок к бархатному небу, усеянному звездами. Облака над головой плыли, точно сгустки тумана на ветру. Найджел любил говорить, что небо над Новым Орлеаном заволакивает дымкой злодеяний, совершенных жителями города. Лицемерные суждения, так симпатичные состоятельным туристам французского квартала, которые помогли Новому Орлеану стать одним из самых роскошных и богатых городов, несмотря на недавнюю войну, разразившуюся между штатами. Каждый раз, когда Найджел присаживался рядом, чтобы поделиться своей новой порцией пошлых сплетен, его акцент кокни становился еще заметнее от грязных словечек.

Что-то сдавило мертвое сердце Одетты.

На этот раз она некоторое время колебалась, прежде чем глянуть наверх, на металлический крест на периферии своего зрения.

– Знаю, знаю, у меня нет причин думать о Найджеле Фитцрое с теплотой – какими-либо теплыми чувствами, – шепнула она. – Ведь он нас предал. – Она сглотнула. – Он предал меня, – недоверчивость исказила ее лицо. – Только личико. – И только подумать: это произошло лишь вчера. Луна взошла и опустилась, а в наших жизнях столько всего изменилось навсегда – до неузнаваемости. – За одну ночь Одетта потеряла брата, с которым провела целых десять лет, потеряла из-за предательства, от которого стынет кровь. Произошедшее с трудом укладывалось в голову. Эта потеря стала для Одетты ударом, хотя она и не осмеливалась показывать свои боль и горе другим. Если она признается, это будет *une erreur fatale*<sup>9</sup>, особенно в присутствии Никодима. Потерять предателя – значит ничего не потерять.

И все же...

Она плакала сегодня утром в своей комнате. Задвинула бархатные шторы на балдахине над своей кроватью и позволила смешивающимся с кровью слезам запачкать ее шелковые подушки. Никто не видел даже тени Буна сегодня. Джей вернулся незадолго до захода солнца, его черные волосы были мокрыми, а выражение лица мрачным, как никогда. Когда Гортензия вернулась в ресторан «Жак», то начала играть сюиты Баха с нечеловеческой скоростью на своей скрипке Страдивари, а ее сестра, Мэделин, все это время писала что-то в кожаной записной книжке рядом. Все обитатели Львиных чертогов горевали, каждый по-своему.

Внешне же все шло как обычно. Они обменялись вежливыми приветствиями, делали вид, что ничего необычного не произошло, и никто из них не желал озвучивать свою печаль или же вслух говорить об ужасном преступлении Найджела, последствия которого вскоре станут явью.

Так какое же преступление Найджела стало худшим из всех?

Он погубил душу Себастьяна. Проклял Бастьяна, отнял его смертную жизнь. Быть может, Найджел всех их и предал, однако Бастьяна он не просто предал, а убил. Разорвал тому горло на глазах единственной девушки, которую Бастьян любил в своей жизни.

Одетта задрожала, хотя на самом деле не чувствовала холода уже много десятков лет. Ее глаза метнулись по площади, в сторону сияющих вод реки Миссисипи и мимо поблескивающих на горизонте кораблей.

– Следует ли мне рассказать всем о том, какую роль я сама сыграла в этой подлой истории? – спросила она.

Фигура на кресте осталась задумчивой. Молчаливой.

– Наверное, ты бы сказал, что честность является лучшим решением. – Одетта заправила за ухо прядь темных волос. – Но я скорее проглочу горсть гвоздей, чем добровольно навлеку на себя гнев Никодима. Это была ошибка, *искренняя* ошибка, совершенная из благородных побуждений, это что-то да значит, не так ли?

И вновь ее Спаситель промолчал, не дав Одетте ответа.

Всего за несколько часов до смерти Бастьяна Одетта позволила ему уйти одному, прекрасно понимая, что убийца следует за ним по пятам. Она даже помогла ему тем, что отвлекла своих бессмертных сородичей, чтобы те не помешали Бастьяну найти Селину, чья безопасность оказалась под угрозой всего несколькими минутами ранее.

Следует ли ей признаться во всем?

Что сделает с ней Никодим, когда узнает?

Последнему вампиру, который осмелился встать на пути у Никодима, вырвали клыки.

Одетта сглотнула. Такая судьба необязательно хуже смерти, однако перспектива не вдохновляет на честность. Не то чтобы она боялась боли, даже мысль о смерти, финальной и необратимой, не пугала Одетту. Она своими глазами видела, как создаются и рушатся империи, она танцевала с дофином<sup>10</sup> в свете полной луны.

---

<sup>9</sup> Фатальная ошибка (*фр.*).

<sup>10</sup> Дофин – титул наследника престола, потомка правящего короля, во Франции.

Ее история была достойна того, чтобы быть рассказанной.

– Просто... ну, мне нравится, как я сейчас выгляжу, и к черту все! – Ей нравился свой элегантный носик и лукавая улыбка. А если у нее не будет клыков, наверняка это скажется на внешнем виде. – Полагаю, по крайней мере не умру от голода, – задумалась она. – В конце концов, это ведь дар моей семье, помимо всех прочих.

И если чревоугодие и тщеславие делали ее злой, *tant pis*<sup>11</sup>. Ей присваивали эпитеты и похуже, присваивали их существа куда хуже.

Одетта закружилась вокруг металлического шпиля, и крест с распятием закрипел под напором ее тела. В тени улиц внизу танцевали огоньки газовых ламп. Обостренное вампирское обоняние Одетты наполнило ее нос ароматом весеннего вечера Нового Орлеана. Сладковатые цветы, резкое железо, соленый ветер. Бьющиеся сердца. Ржание лошадей, стук их подков по выложенным брусчаткой мостовым.

Вся эта темная красота вокруг, созревшая специально для нее.

Жалобный вздох сорвался с губ Одетты. Не следовало ей позволять Бастьяну уходить одному, даже несмотря на то, что жизнь Селины была под угрозой. Одетта ведь не глупа. Она прекрасно знает, что туда, где течет кровь, всегда приходит и смерть. Просто Одетта позволила чувствам на мгновение взять верх над рассудком.

Ни за что больше.

Многие годы Одетта избегала применять свой особый дар, который был необычным даже среди ее бессмертных сородичей. Она обладала способностью видеть фрагменты будущего других; прикоснуться к коже человека было достаточно, чтобы приподнять на миг завесу тайны. Она избегала своего дара, потому что очень часто видела неприятности и несчастья тех, кто спешил испытать свое любопытство.

Точно так Одетта увидела несчастье, когда Селина Руссо попросила взглянуть на ее будущее в день их встречи.

Опыт научил Одетту, что ее попытки предупредить человека о грядущей опасности не самый лучший способ завязать дружбу. Часто человек начинал спрашивать, как он может избежать подобного развития событий. Но сколько бы Одетта ни пыталась объяснить, что ее дар не работает таким образом – что она не может сотворить чудо, – люди продолжали требовать от нее найти решение своих проблем. Дважды ее чуть не избили, угрожали покалечить, один раз размахивали ножом перед ее лицом, а в другой – тыкали револьвером ей в грудь.

Какая дерзость!

Она изогнула губы в горькой, кривой улыбке. Те два глупца встретили судьбу, достойную своей дурости. Джей, известный в узких кругах как ассасин их *La Cour des Lions*<sup>12</sup>, помог тогда Одетте – напал на мужчин в ночной тьме. Он мучил их много часов, сделал все, чтобы их последний час на земле был пропитан страхом.

– И они даже не подозревали, что именно я стала идейным вдохновителем их скоропостижной кончины, – пробормотала Одетта.

Конечно, знать, что что-то нехорошее вот-вот должно произойти в судьбе человека, удобно только в теории. Но что, если это относится к кому-то, кого Одетта любит? *Bien sur*<sup>13</sup>, она могла бы оттолкнуть друга с дороги, если бы карета с испуганной лошастью неслась им навстречу. Однако редко все было так просто.

По этой и многим другим причинам Одетта соврала, когда увидела будущее Селины. Селина и впрямь станет укротительницей зверей, как и увидела Одетта. Однако Одетта никогда не забудет тихие слова, что последовали потом, нашептанные ей на ухо, как опасный секрет:

---

<sup>11</sup> Неважно (*фр.*).

<sup>12</sup> Львиных чертогов (*фр.*).

<sup>13</sup> Конечно (*фр.*).

«Один должен умереть, чтобы другой смог жить».

Putain de merde<sup>14</sup>. Еще одно бессмысленное предсказание, из тех что Одетта ненавидела больше всего в своей бессмертной жизни. Они всегда оказывались непростительно расплывчатыми. Почему нельзя было прямо сказать, что все это значит? «Этот connard<sup>15</sup> соберется убивать вот этого connard в определенное время в определенном месте. Вот как ты можешь уберечь их от подобной участи. Allons-y!<sup>16</sup>» Неужели Одетта просит слишком многого?

И к кому это предсказание относилось? К Селине и Бастьяну? Или к Селине и кому-то еще? Невозможно сказать наверняка. Поэтому Одетта решила, уж лучше им жить, ничего не подозревая о своем будущем.

Однако это решение Одетты изменилось прошлой ночью. Несмотря на то что происходящее приносит ей боль, она сделает все, чтобы помочь тем, кого любит, избежать катастрофы.

Одетта уверенно вскинула брови, а затем посмотрела на своего безмолвного стражника и произнесла.

– Я сделаю все правильно, – поклялась она. – И не только ради Бастьяна. Но и ради себя.

Поражения не были Одетте к лицу.

Она крепко сжала металлический шпиль соборной башни.

– C'est assez<sup>17</sup>, – сказала она. Пришло время сделать то, что Одетта создана делать. Пришло время утолить голод – нужно успеть до того, как очнется Бастьян, ибо Никодиму понадобятся все его дети на пике своих сил, когда настанет тот самый час.

Пока она могла только гадать о том, каким новорожденным вампиром станет Бастьян. С ним сложно было справиться даже тогда, когда он был всего лишь мальчишкой. Характер у него всегда был взрывным, он любил решать разногласия кулаками, а не словами. Из-за своей несдержанности он лишился места в военной академии в Вест-Пойнте, а ведь Никодим трудился много лет, чтобы Бастьян получил его. В конце концов у сына квартерона<sup>18</sup> и тианки<sup>19</sup> не было достойной родословной для такого статусного учреждения.

Никодим полагал, что если Бастьян перенесет трансформацию и выживет, он станет самым сильным из всех его детей, просто потому что в их жилах текла одна кровь, как при жизни, так и в бессмертии. Общая кровь была сродни броску монеты. Иногда из смертного праха рождался великолепный и могущественный бессмертный.

А в ином случае?

Потеря рассудка и неконтролируемая жажда крови, как это было с Владом Цепешем. Или с графиней Елизаветой Батори, которая купалась в крови своих жертв. Или как с Кэто Данзо, который парил по небу на огромных крыльях, точно летучая мышь, и нападал на несчастных.

Одетте хотелось верить, что ничего подобного не случится с Бастьяном. Может, у него появится любовь к чтению, как у Мэделин? Или страсть к различного рода наслаждениям, как у Гортензии? Он станет угрюмым, как Джей, или любителем злых шуток, как Бун?

– Assez<sup>20</sup>, – заявила она небесам.

Взгляд Одетты снова скользнул вниз, к Джексон-сквер, и ее глаза пробежали по соседним улочкам, ища одинокие фигуры, блуждающие в потемках. Ее внимание наконец привлек кто-то, шагающий мимо газовых ламп вдоль улицы Шартр.

<sup>14</sup> Твою мать! (фр.)

<sup>15</sup> Подонок (фр.).

<sup>16</sup> За дело! (фр.)

<sup>17</sup> Хватит с меня (фр.).

<sup>18</sup> Квартерон – в колониальной Америке так называли человека, у которого один из предков во втором поколении (дедушка или бабушка) относился к негроидной расе.

<sup>19</sup> Тиано – название группы аравакских племен, которые к моменту открытия Америки населяли острова Гаити, Пуэрто-Рико, Куба, Ямайка, Багамы.

<sup>20</sup> Достаточно (фр.).

Больше не раздумывая, Одетта распрощалась со Спасителем и отпустила металлический шпиль. Она закрыла глаза, пока летела вниз, наслаждаясь потоками прохладного воздуха и ветра, свистящего в ушах. В тот самый момент, когда она почти достигла земли, ее тело инстинктивно сгруппировалось и она перекатилась по тротуару в кувирке. Она опустилась с едва различимым, приглушенным звуком и поднялась на ноги за считанные доли секунды. Выпрямившись, она огляделась, а потом сунула руки в карманы штанов. Напевая себе под нос, Одетта прогулочным шагом двинулась вдоль улицы, в темный переулок, известный местным как Пиратская аллея. Слова «La Marseillaise»<sup>21</sup> украсили ночное небо над Одеттой, а стук ее сапог разнесся эхом во мраке.

– Allons! Enfants de la Patrie<sup>22</sup>, – мягко напевала Одетта.

Она скользнула мимо железных решеток забора, возле которого Жан Лафит<sup>23</sup> продавал награбленное в начале столетия. Темное витражное стекло поблескивало на периферии зрения Одетты. Одетта готова была поклясться, что видит там, в церкви, призрака Отца Антуана<sup>24</sup>, покачивающего своей кадильницей<sup>25</sup>, дымок из которой вился вокруг него. Или быть может, это было привидение монаха, которых жил под этой изысканной крышей столетие назад и любил воспевать Кирие<sup>26</sup> во время вечерних бурь.

– Le jour de gloire est arrivé<sup>27</sup>, – продолжала напевать она.

Жуткие истории об аллее, населенной призраками, живущими в самом сердце французского квартала, всегда завораживали Одетту. Как и бесчисленные рассказы об этих великолепных землях, известных под именем Америка, они часто скрывали за собой самые темные моменты истории. В случае с Новым Орлеаном истории эти скрывали в себе несколько сотен лет, которые портовый город провел под знаменем работорговли. Они шептали о смертях, о которых не принято говорить, смертях тех, кто жил, и дышал, и любил на этих изогнутых серпом, точно полумесяц, землях еще до того, как конкистадоры приплыли в местные бухты и водрузили здесь свои флаги.

Бурлящая от гнева и злости тьма. Движущиеся тени, проступающие под тонким слоем сияющей роскоши.

Одетта повторила следующую строку песни дважды, ее голос звенел, как колокольчик.

– L'étendard sanglant est levé<sup>28</sup>! – она обогнула угол и ускорила шаг, устремившись в сторону высокой фигуры, которая шагала недалеко впереди.

Когда молодая женщина услышала размеренные шаги Одетты за спиной, она замерла и наклонила голову – кожа на ее виске блеснула, точно серебро, в свете мерцающих газовых фонарей. Затем она снова выпрямилась, и ее элегантная дамская шляпка устремилась к небу, точно девушка молилась Богу.

«Глупость смертных, – подумала Одетта. – Твой Бог тебе теперь не поможет».

И дело заключалось вовсе не в том, что Одетта находила веру глупостью. Напротив, она считала Христа одним из своих лучших друзей. Кроме того, надежда – это несгибаемая сила.

<sup>21</sup> «Марсельеза» – песня, которую пели патриоты в времена Французской революции, также она была принята в качестве официального гимна Французской республики в 1804 году.

<sup>22</sup> «Поднимайтесь, сыны Отечества» (*фр.*) – слова, с которых начинается «Марсельеза».

<sup>23</sup> Жан Лафит – французский пират и приватир, который орудовал в Мексиканском заливе и грабил английские и испанские корабли в начале XIX века.

<sup>24</sup> Антонио де Седелла, чаще всего известный как Отец Антуан – испанский монах-капуцин, который являлся одним из главных религиозных авторитетов католической церкви в Новом Орлеане в период конца XVIII – начала XIX веков.

<sup>25</sup> Кадильница, или кадило – сосуд для курения ароматических веществ во время некоторых видов богослужений в храме или церкви.

<sup>26</sup> Кирие, или Кирие элейсон – молитвенное обращение, используемое в церкви.

<sup>27</sup> «Настал день славы» (*фр.*).

<sup>28</sup> «Кровавый флаг тирании» (*фр.*).

Просто не настолько нестигаемая, как Одетта Вальмонт. Не в случае этой девушки. Не этой ночью.

Она дождалась, пока девушка снова зашагает, и устремилась следом за ней по пятам. Многие вампиры предпочитали растягивать время своей охоты, оттягивая атаку до последнего, чтобы страх пропитал кровь их жертвы. Чтобы та начала тяжело дышать, запинаться и умолять о пощаде. Бун обожал подобные игры. Однако охота была его промыслом. Одетта же никогда не относилась к числу подобного рода бессмертных.

Вместо этого она просто огляделась, чтобы убедиться, что они с этой девушкой по-прежнему одни в темноте. И еще до того, как та успела моргнуть, Одетта метнулась вперед и схватила девушку сзади, зажав ей рот одной рукой и увлекая в узкую аллею.

Одетта подняла ее за подбородок, чтобы встретиться ее взгляд.

– Не бойся, – шепнула она, позволяя своему темному дару наделить эти слова успокаивающей магией. Испуганный взгляд девушки стал чуть более расслабленным. – Обещаю, ты ничего не вспомнишь, – проворковала Одетта, крепче сжимая ее.

– Кто... кто вы такая? – выдохнула девушка.

– А кто ты такая?

Ресницы девушки затрепетали, точно она была готова вот-вот уснуть.

– Франсин, – сказала она. – Франсин Хофштадтер.

– Bonsoir<sup>29</sup>, Франсин Хофштадтер. – Рука Одетты соскользнула с губ Франсин, чтобы погладить ее по щеке. Она замерла на миг, чтобы заглянуть в карие глаза той. – Ты напоминаешь мне мою мать, прекрасная Франсин.

– Как ее зовут?

Слабая улыбка тронула губы Одетты.

– Луиз д'Арманьяк.

– Какое чудесное имя, – засыпая, пробормотала Франсин. – Какое чудесное... точно как и ваше.

– Она была графиней.

– А вы тоже графиня?

– Наверное. Быть может, я могла бы ей быть. – Одетта постучала указательным пальцем по подбородку Франсин. – Но моя мать, скорее всего, воспротивилась бы этому. Она ни за что не отдала бы свой титул, не без борьбы, по крайней мере. Можно даже сказать, она... она потеряла голову из-за этого титула.

– Я... сочувствую, – сказала Франсин, ее тело обмякло в объятиях Одетты. – Кажется, мать не любила вас так, как полагается любить матери.

– О, еще как любила. В этом я вполне уверена. – В голосе Одетты проскользнули нотки веселья. – Просто себя она любила куда больше. Но за это я не держу на нее зла. Моя мать стала для меня героем. До самого своего плачевного конца она была верна своим принципам.

– Но как она могла любить себя больше, если у нее была такая дочь, как вы? Это неправильно. – Франсин повторила движение Одетты, нежно положив руку ей на щеку. – Хотелось бы мне иметь дочку. Я бы любила ее. Я бы любила вас. – Она улыбнулась, и ее глаза заблестели, наполняясь слезами. – Быть может... я люблю вас.

– Кто же меня не любит, *ma chérie*?<sup>30</sup> – Одетта переплела пальцы Франсин со своими и поднесла обе ладони к своим губам. – Я тоже люблю тебя, – шепнула она, оставляя свое дыхание на пахнущей ванилью коже Франсин.

Прежде чем Франсин успела моргнуть, Одетта вонзила свои клыки в нежную плоть на ее запястье. Вдох прорезал ночной воздух, однако Франсин не сопротивлялась. Ее тело,

---

<sup>29</sup> Добрый вечер (*фр.*).

<sup>30</sup> Моя дорогая (*фр.*).



наоборот, стало послушным. Опасно податливым. Одетта вдохнула через нос, всасывая новую порцию крови. Ее глаза закрылись. Картинки замелькали в ее сознании. Воспоминания Франсин. Вся ее история, раскрашенная бесчисленным количеством воспоминаний, которые – как отлично известно Одетте – не мог увидеть и прочесть почти никто, даже среди самых талантливых смертных.

Люди обычно вспоминают события не так, как они происходили на самом деле, они вспоминают вещи такими, какими хотят их видеть.

Воспоминание о дне рождения, когда Франсин была еще девочкой, сладкое пралине из торта перепачкало ее губы. Смерть любимой бабушки, Франсин следует за похоронной каретой вдоль улицы Гарден Дистрикт, кружевной зонтик в ее руках отбрасывает на землю узорчатые тени. Свадьба с юношей, которого она считала своим суженым. А несколько лет спустя этот мужчина разбил ее веру вдребезги.

В этом водовороте Одетта видела и отрывки возможного будущего. Сына, который навещает Франсин каждое Рождество вместе со своей супругой, которой хочется быть где угодно, но не с ними. Мужа, который умер, схватившись за грудь, думая о десятилетиях, прожитых в сожалениях.

Все это разбивало сердце Одетты – то, что от него осталось. Жизнь, которая однажды казалась столь многообещающей...

Однако все это неважно. Судьба этой женщины не ее забота.

В конце концов Франсин ведь остается главной героиней своей истории. Все так, как должно быть. Каждый смертный должен быть героем собственной сказки.

Однако даже лучшие герои не без изъяна. И даже лучшие из смертных никогда не забывают об этом.

Одетта сделала новый большой глоток, позволяя Франсин откинуться назад в ее объятиях, словно любовница на пике наслаждения.

В отличие от дара Одетты видеть будущее, способность заглядывать в жизнь своей жертвы принадлежала всем кровососущим. По этой причине Одетта никогда не пила кровь мужчин: погружение в мысли жертвы всегда было для нее чем-то очень личным. Однажды, будучи еще новорожденным вампиром, она решила выпить кровь мужчины, который убивал других ради забавы. Она полагала, что это будет заслуженной расплатой, если он встретит в ней достойного соперника.

Однако его воспоминания оказались слишком жестокими. Он наслаждался преступлениями, которые совершал. Картинки, что промелькнули тогда перед глазами Одетты, сдавили ей горло, удушая, сжигая ее изнутри.

В ту ночь она поклялась себе, что никогда больше не заглянет в мужское сознание.

Мужчины были худшими из возможных героев. Полными изъянов, которые они отказываются в себе замечать.

В ту самую секунду, когда Одетта почувствовала, что пульс Франсин замедляется, она отпустила ее. Не нужна ей смерть Франсин в своих воспоминаниях. Многие вампиры теряли рассудок, когда их мысли соприкасались с тьмой, что царствует между мирами.

Одетта лениво облизала губы. Затем она прижала большой палец к проколам на запястье Франсин, дожидаясь, пока кровь остановится.

– Как только мы расстанемся, – сказала она, – ты забудешь сегодняшнюю ночь. Я никогда не буду причиной твоих ночных кошмаров. Ты вернешься домой и завтра будешь отдыхать, ибо кто-то тебя укусил, и у тебя кружится голова. Попроси родных приготовить тебе стейк со шпинатом. – Одетта заботливо подогнула рукав, скрывая рану на руке Франсин. – Если будешь бродить по этим улицам одна вечерами, ходи с высоко поднятой головой, даже если тебе кажется, что смерть поджидает за каждым углом. – Ее ухмылка стала похожей на опасный изгиб острого ножа. – Только так и стоит жить, прекрасная Франсин.

Франсин кивнула.

– Вы ангел, моя дорогая. – Слезы выступили у нее на глазах. – И я ни за что не смогу вас забыть.

– Я не ангел. Ангелы скучны. Дьявол куда соблазнительнее.

– Вы точно ангел, – настаивала Франсин. – Самое прекрасное создание, которое я когда-либо встречала. – Когда Одетта отпустила ее, Франсин крепко схватила ее за руку, не желая отпускать. Слезы потекли по ее щекам, и смущение собралось морщинками на лбу. – Пожалуйста, – сказала она, – возьмите меня с собой.

– Туда, куда иду я, ты пойти не можешь.

– Могу, если вы возьмете меня с собой. Если сделаете меня ангелом, как вы.

Одетта наклонила голову, и раздумья прекрасного существа, которым она являлась сейчас, сражались с убеждениями, которые она носила в себе, будучи еще смертной девчонкой. В ее руках теперь была власть даровать жизнь. И власть отнимать жизнь.

Наслаждаться этим. Медленно.

Франсин улыбнулась Одетте, но ее взгляд дрожал, а пальцы все еще сжимали рукав ее рубашки.

– Пожалуйста, ангел. Пожалуйста. Не оставляйте меня одну во мраке.

– Я уже сказала тебе, *ma chérie*. – Свободной рукой Одетта опять погладила Франсин по щеке. – Я не ангел. – И с этими словами она сломала Франсин шею.

Она ощутила, как хрупкая кость ломается в ее нечеловечески сильных руках. Тело Франсин обмякло и опустилось безжизненной массой на брусчатку у Одетты под ногами.

Одетта стояла неподвижно еще какое-то время. Ждала, желая узнать, покарает ли ее Бог Франсин. В конце концов, Одетта заслуживала его наказания. Она могла оправдывать свои действия как угодно, как пожелает – могла бы сказать, что спасла Франсин от разочарований, что ждали ее в безрадостном будущем; могла бы сказать, что поступила так из доброты. В каком-то смысле она даже проявила милосердие.

Однако кто она такая, чтобы предлагать кому-то свое милосердие?

Одетта все ждала, глядя на луну, морщась при взгляде на длинную тень, падающую на нее с крыши собора. Никакого дождя из огня и серы не обрушилось на нее. Все осталось таким, каким было всегда. Жизнь и смерть в одном дыхании.

– Прости меня, *ma chérie*, – прошептала Одетта. – Ты заслуживала большего. – Она взглянула себе под ноги, позволяя чувству вины окатить ее волной с головы до кончиков пальцев и раствориться в трещинах между камнями мостовой. То, что она совершила, украв чужую жизнь, – было неправильно. Одетта это знала.

Просто... порой она так уставала от тщетных стараний быть хорошей.

Вздохнув, Одетта двинулась прочь, сунув руки в карманы.

– *Ils viennent jusque dans vos bras*, – пела она, и ее голос наполняла сладкая грусть, – *egorger vos fils, vos compagnes!*<sup>31</sup> – Эхо «Марсельезы» взмывало вверх, смешиваясь с мороком бесконечных преступлений Одетты.

---

<sup>31</sup> «Они идут к вам, чтобы убить ваших сынов, ваших подруг!» (*фр.*)

## Бастьян

Мальчишкой я часто мечтал о том, что стану героем, вроде тех персонажей из моих любимых историй. Д'Артаньян, присоединившийся к мушкетерам, неустрашимый перед лицом опасности. Царь Леонид и его триста спартанцев, непоколебимые вопреки тому, что шансы на победу в битве у них совсем невелики. Одиссей и его грандиозное путешествие, его сражения с мифическими чудовищами и спасение невинных девушек.

А потом я узнал о том, что сам живу среди чудовищ. И узнал о том, что подобные истории часто пишутся вовсе не героями, а теми, кто остается жить после них, у кого есть возможность рассказать эту сказку. Возможно, не так уж много хорошего можно было сказать о д'Артаньяне. Разве не удача его обычно спасала?

«Удачу вовсе нельзя назвать умением, заработанным упорным трудом и навыком», – твердил мне снова и снова дядя Нико, когда я жаловался на то, что ненавижу бесконечную армейскую муштру, постоянные тренировки, стрельбу из лука, верховую езду и время, проводимое за оттачиванием всех прочих талантов, которыми полагается обладать так называемому джентльмену.

Может, мне стоило выбрать в качестве образца для подражания Атоса, хранителя тайн. Или Арамиса, влюбленного в жизнь. Или леди Винтер, хитроумную шпионку.

В конце концов истории о чудовищах всегда самые интересные.

Вздрыгнув, я наконец открываю глаза. Пылинки плывут в воздухе надо мной, кружась в янтарном свете единственной зажженной свечи. Мгновение я просто наблюдаю, как пылинки танцуют в пространстве, изучая каждую из них, разглядывая форму. Они напоминают мне звезды на бескрайнем небосводе.

«Бесконечность поражает нас, потому что позволяет нам верить, что все в мире возможно. Что истинная любовь может длиться вечно».

Селина сказала мне эти слова в ту самую ночь, когда я впервые осознал, что испытываю к ней чувства. Когда понял, что это уже не просто влечение к ее красоте, которая манит, как манит берег прилив. Нет, в тот момент все стало куда сложнее и запутаннее. Появилось ощущение спокойствия в ее присутствии. Ощущение взаимопонимания. Своего рода одержимость.

Я наблюдал, как она танцевала кадрили во время карнавала. Не потребовалось много времени, чтобы мелодия ее полностью захватила – музыка на это способна. Она танцевала невпопад, не туда ставила ноги, но ей было все равно. Этим танцем она застала меня врасплох – и не только из-за того, как она выглядела. Дело было в том, как она меняла людей вокруг: ее улыбка словно озаряла танцующих с ней, заставляла и мужчин, и женщин, кружащих рядом, смеяться и радоваться, забывая о невзгодах.

На мгновение я потерял тогда счет времени и забыл, где нахожусь, видел только ее, точно одинокую свечу в темной комнате. Однако за ее обворожительной улыбкой я заметил нечто еще, нечто большее. Целый мир, полный секретов, скрытых за гипнотическими зелеными глазами.

Я был мальчишкой с собственными тайнами, и давняя боль проснулась в моей груди. В тот самый момент я понял, как сильно хочу поделиться с ней правдой. И неважно, что и моя, и ее правда, вероятно, кишат чудовищами. Недели спустя слово «любовь» поселилось в моих мыслях, отказываясь их покидать. Я его игнорировал. Я считал себя слишком уставшим от этого мира, чтобы попасться в капкан глупой юношеской любви.

Как же я был не прав. И моя ошибка обратилась катастрофой.

Однако теперь все это не имеет значения. Ибо наша история вовсе не о любви.

Боль, сдавившая мое мертвое сердце, подступает к горлу.

«С меня хватит».

Я ощущаю присутствие Туссена еще до того, как он ощущает мое присутствие. Все мое тело напрягается, точно готовясь к прыжку. Огромный бирманский питон, извиваясь, скользит по дереву и пробирается мимо моих ног к голове. Я наблюдаю за ним с того места на столе, куда меня положила моя семья, точно для поминального обряда. Его раздвоенный язык мечется, пробуя воздух на вкус, а желтые глаза прикрыты в нерешительности. Туссен замирает у меня на груди, его голова останавливается передо мной. Я смотрю на него. Он смотрит на меня.

Два хищника, оценивающие один другого, которые не могут решить, стоит ли нападать.

Через мгновение Туссен вздыхает, сдаваясь, а затем скользит вниз по моему плечу, его хвост тянется по мне следом, и чешуйки поблескивают, отбрасывая тени на мой бежевый жилет, измазанный кровью. Я всегда считал, что змеи наделены даром предвидения, что они являются теми созданиями, которые знают все и обо всем, которые беззаботно живут в пространстве между мирами живых и мертвых.

По крайней мере мой наделенный даром предвидения домашний любимец смирился с печальным поворотом моей судьбы.

Я сажусь, но каждое мое движение мелькает у меня перед глазами. Нечеловеческая скорость. Я бы испугался, если бы не знал, чего стоит ожидать, и не видел прежде, как быстро и грациозно передвигаются бессмертные создания. В следующую секунду я сжимаю пламя одинокой свечи между двумя пальцами, надеясь почувствовать тепло огня.

Ничего не чувствую. Нет даже отголоска боли. И мне совсем не нужно времени, чтобы привыкнуть к воцарившемуся вокруг мраку. Без света – сквозь слои теней – я вижу каждую деталь того, что меня окружает, даже золотистые узоры на обоях и шестнадцать сияющих рубинов в камее на брошке Одетты. Вижу каждый локон черных волос своего дяди и все сорок восемь медных шурупов, скрепляющих деревянный стол подо мной.

Отвращение захлестывает меня, когда правда опускается мне на плечи, точно чугунная цепь. Я больше не живой человек. Я демон, проклятый вечно бродить в потемках. И я ничего не могу сделать, чтобы изменить это жуткое новое положение вещей. Не могу пропеть молитву. Не могу совершить подвиг. Не могу заключить сделку.

Полагаю, мне всегда была уготована такая судьба.

Мой дядя прочищает горло и делает шаг вперед.

При виде семерых опасных созданий темного мира, собравшихся полукругом вокруг меня, мне следует испугаться (подобное должно пугать и смертных и бессмертных), однако я совершенно спокоен, мне хочется лишь получше рассмотреть бессмертных собратьев своими новыми глазами вампира.

Одетта Вальмонт, у нее темные волосы и черные глаза, она внимательно следит за мной, и выражение ее лица напряженное. Она одета в мужской костюм, шелковый шарф свободно болтается вокруг шеи, и ее *fetiche* висит под подбородком. На первый взгляд она кажется девушкой не старше двадцати лет с обворожительным личиком, способным обмануть даже дьявола.

Однако ее внешность обманлива.

Гнев пронзает мои вены, и последние остатки спокойствия растворяются, точно дым на ветру, при встрече с этим гневом. Если Одетта хоть каплю догадывалась о том, что меня ждет, и специально скрыла от меня, она за это заплатит. Она уже поступала подобным образом, совершила глупую попытку вернуть меня на путь, который считала для меня правильным. Как будто ей судить, как будто она имеет право назначать себя судьей и палачом.

Прежде чем злость берет верх и я готов броситься на Одетту, я заставляю себя взглянуть сквозь нее, заставляю себя успокоиться.

Шин Джейяк, самый талантливый из наемных убийц Никодима, маячит во тьме за спиной Одетты. Второй из обращенных Никодимом вампиров, Джей орудовал в ночи в период расцвета Чосонской династии в Корее. Ему нет равных в искусстве владения холодным оружием и в ловкости рук, он вампир с любовью к острым лезвиям всех форм и размеров. Когда

я был маленьким, он пугал меня больше всего, он, казалось, заполнял собой все пространство, мне внушали ужас бесчисленные шрамы, украшающие его мертвенно-бледную кожу, он так ни разу и не рассказал мне их историю целиком.

– Добро пожаловать в вечность, брат, – раздаётся другой голос, в словах едва уловимо проскальзывает каролинский<sup>32</sup> акцент. Смуглый Бун Рейвнел упирается плечом в затянутую дамастной материей стену и беззаботно ухмыляется мне, харизма наполняет каждое его движение. Однако за этим ангельским личиком скрывается безжалостный боец с острым, как у акулы, чутьем и зрением, как у ястреба, благодаря которому он может найти свою жертву где угодно. Пятьдесят лет назад Одетта окрестила его Адским Гончим (по многим причинам). И, учитывая все вышесказанное, имя подошло идеально.

Справа от Никодима стоит Мэделин Деморни, ее кожа и глаза имеют цвет тикового дерева, а выражение лица точно высечено из кварца. Первая из бессмертных детей моего дяди, Мэделин – та, к кому Никодим обращается за советом в первую очередь, до всех прочих. За последнюю сотню лет она стала равной ему во многих вещах, однако я ни за что не осмелюсь обратить эту мысль в слова при дяде. Увы, я почти ничего не знаю о прежней жизни Мэделин, которую она провела на берегах Cote d'Ivoire<sup>33</sup>, кроме того факта, что она умоляла Никодима обратить и ее младшую сестру, Гортензию, в обмен на вечную верность. А еще я знаю, что одна из ее величайших страстей (помимо любви к своей семье) – чтение, за страницами хорошей книги она может провести много часов подряд.

Гортензия Деморни нежится в обитом бархатом кресле, крутя локон своих длинных, густых, точно львиная грива, волос. В чертах ее лица светится веселье, и лукавая искра мечется в темно-серых глазах. На ней полупрозрачное платье такого же оттенка, как ее кожа. Среди всех бессмертных детей Никодима Гортензия наслаждается бессмертием больше других. Любительница искусства, она обожает проводить свободное время в личной театральной ложе Никодима в Theatre de l'Opéra<sup>34</sup> (одним лишь своим присутствием создавая скандалы в белокожем высшем обществе Нового Орлеана), чтобы позже пробовать на вкус лучших музыкантов города. Больше всего ей нравятся виолончелисты. «Их песни точно сахарная вата», – часто говорит она.

Лишь один из бессмертных не входит в этот тайный круг. И хотя это не сразу заметно – ведь в его ореховых глаза тоже горит едва уловимая нечеловеческая искра жажды, а его темная кожа так же приглушенно сияет, – но Арджун Десай не вампир. Он прибыл в Новый Орлеан только в прошлом году по просьбе Джея. Получившему образование барристера под эгидой британской короны Арджуну отказали в просьбе присоединиться к профессии из-за его родословной. Родившийся девятнадцать лет назад в Махараштре, штате центральной Индии, Арджун был этириалом – сыном смертного мужчины и феи-охотницы из Сильван Уайль. Еще одно создание, которому под силу перешагнуть завесу между мирами. Его прибытие в город-полумесец решило сразу две проблемы: моему дяде, поскольку он имел интересы в отельном бизнесе Нового Орлеана, необходим был юрист с определенным набором навыков, однако Падшим запрещено было приводить новых вампиров в город, согласно договору о перемирии с Братством, заключенному десять лет назад. Меньше чем через год Арджун зарекомендовал себя как истинный член Львиных чертогов.

И вот все они стоят передо мной, прибывшие из разных частей света и со всех жизненных дорог. Каждый хищник получил свой титул по праву. Двое моих кровных братьев, три кровных сестры и один фейри-полукровка.

<sup>32</sup> Акцент, присущий южному диалекту США, на котором говорят в южных штатах, в том числе Северной и Южной Каролине.

<sup>33</sup> Cote d'Ivoire – Кот-д'Ивуар, или «Побережья цвета слоновой кости», одна из стран Западной Африки, прославившаяся своими красивыми пляжами и курортами, некогда бывшая французская колония.

<sup>34</sup> Theatre de l'Opéra – Французский оперный театр в Новом Орлеане, расположенный во французском квартале.

Лишь долговязый Найджел Фитцрой, вампир, виновный в моей скоропостижной кончине, остается за пределами этой жуткой, но живописной картины.

Ненависть кружится вихрем внутри меня. Я сглатываю, но вены жжет изнутри, и зубы скрипят, а скрип отдается эхом по черепу. Все вокруг становится ярче и четче, точно луч света внезапно направили на погруженную во мрак комнату.

И это совсем не приятное чувство, однако мне хочется в нем раствориться – забыть о других чувствах и здравом рассудке, не беспокоиться ни о чем, кроме жажды разрушения. Есть некая свобода в подобном чувстве. Простота в отсутствии причин.

Поведя плечами, я делаю вдох, который мне совсем не нужен. А когда еще раз пробегаю глазами по помещению, мой взгляд замирает на дяде, его золотистые радужки блестят во мраке, как у пантеры.

Никодим внимательно изучает меня, его лицо неподвижно, словно высеченное из мрамора. Один-единственный выющийся локон черных, как у дьявола, волос упал ему на лоб.

– Себастьян, – говорит он. – Ты знаешь, кто я? – Он разглядывает меня, как будто я один из крылатых экспонатов в его коллекции. Как будто я бабочка с радужными полосками на крыльях и длинной иголкой, воткнутой в брюшко.

И снова гнев вспыхивает в моей груди.

– Неужели вы и правда беспокоитесь, что я могу вас забыть, *Monsieur le Comte*?<sup>35</sup> – Я ожидаю, что мой голос будет звучать сдавленно или грубо из-за того, что я долго молчал, однако темная магия придает гладкости его шероховатостям, словно это и не голос человека вовсе, а сладкая для слуха мелодия.

Никакого облегчения не появляется в глазах или выражении лица Никодима, несмотря на явное доказательство того, что я пережил обращение.

– Была такая вероятность. Ты был опасно близок к смерти, когда я начал тебя обращать. – Он делает паузу. – К тому же никогда не знаешь, чего ожидать, когда смешиваешь смертную кровь с кровью своего бессмертного предка, но ты и сам это отлично знаешь.

Да, я знаю. Я моргаю, чтобы избавиться от пробудившегося в голове воспоминания о моей матери, которая сошла с ума после такого же обращения. Она оказалась отравлена горем. Ею завладела жажда возвратиться в человеческую форму. Я ничего не отвечаю. Эти воспоминания сейчас ничем мне не помогут, станет только хуже, они лишь подольют масла в огонь моей злости.

– Как ты себя чувствуешь? – Никодим делает шаг вперед. Все в его облике, от зачесанных волос до начищенных туфель, кричит о его благородной натуре. О благородстве, которое вдохновляло меня, когда я был мальчишкой. Однако в его вопросе звучит странная неуверенность.

Но ведь мой дядя не из тех, кто поддается сомнениям.

Интересно. Не желая показывать ему, что я и сам озадачен, я говорю первое, что приходит на ум:

– Я чувствую себя сильным.

Жду, что мои братья и сестры начнут смеяться над банальностью моего ответа.

– Ты не... не злишься? – Голос Одетты звучит заботливо. – Знаю, не этого ты хотел...

– Нет, – лгу ей я, даже не задумываясь. – Я не злюсь.

И снова полная тишина.

Мэделин бросается ко мне, однако тут же замирает, точно придя в себя, и выставляет руки ладонями вверх, будто говоря, что хочет меня успокоить.

– У тебя есть какие-нибудь вопросы? – начинает она. – Тебе что-нибудь нужно? Il y a des moments où...<sup>36</sup>

---

<sup>35</sup> Месье граф (*фр.*).

<sup>36</sup> Бывают моменты, когда... (*фр.*)

– Думаю, я в общих чертах понимаю концепцию, Мэделин. – Я подавляю – Подавляю в себе новую волну негодования, и горькая усмешка трогает губы. – тут же просится наружу. – Пей кровь и живи вечно. – Я одариваю свою бессмертную семью кривой улыбкой, а затем начинаю поправлять запонки.

– Прекрати это, – говорит Джей. Его голос пронзает темноту, как предупредительный выстрел.

Мэделин сердито косится на Джея, пытаясь тем самым заставить его замолчать.

Однако это не беспокоит Джея. Он не пытается извиниться.

– Будь злым, – продолжает он. – Будь печальным. Будь каким угодно, только не таким.

Я изгибаю бровь в молчаливом вопросе.

– Испуганным, – объясняет Джей. – Ты напуган настолько, что можно ножом разрезать эту густую вуаль. Порезать на ленточки. – Он указывает подбородком на Одетту. – И она бы носила эти ленты в своих волосах.

Я сглатываю, силясь сохранить свою непринужденную улыбку, и раздумываю, стоит ли броситься сейчас на Джея.

Он тут же отвечает на мою немую угрозу. Словно призрак, Джей приближается ко мне, подол его плаща вьется у него за спиной. Он вынимает два кинжала из спрятанных под одеждой ножен и крутит один в руке, как бы давая понять, что он не боится, бросая мне вызов.

Я встаю и выпрямляюсь, мои руки сжимаются в кулаки, огонь продолжает жечь изнутри.

Он победит. В этом у меня нет сомнений. Однако это не означает, что я готов поджечь хвост и броситься прочь. Я буду нападать снова и снова, пока ему не останется ничего, кроме как разрубить меня на кусочки. Может, если рана окажется достаточно глубокой, я найду в ней то, что осталось от моей человечности. Или, быть может, я просто сдамся под тяжестью истины очередного дядино урока: уничтожь или будь уничтоженным.

Испуганным? Джей думает, что я боюсь? Что ж, давайте посмотрим, что такое настоящий страх.

И как раз в тот момент, когда я собираюсь претворить слова в действия, мой дядя хлопает в ладоши, точно судья, который стучит молотком, вынося приговор. Я чуть не начинаю смеяться, ибо *Le Comte de Saint Germain*<sup>37</sup> может быть кем угодно, но никак не тем джентльменом, роль которого он играет перед миром смертных.

Никодим известен во всех кругах Другого мира, как известны и его богатство, и его влияние, и – его жестокость. Он присутствовал при событиях еще тех далеких времен начала истории, когда вампиры и оборотни обитали в замках, вырезанных из льда, в глубоких лесах вечной ночи. Тогда вампиры и волки жили вместе со своими братьями фейри, как боги на вершине Олимпа, и играли с жизнями смертных ради развлечения. Он дружил с нимфами, гоблинами, орками, пуками<sup>38</sup> и духами, населяющими далекие уголки бессмертной реальности, места бесконечной зимы, известные под названием Сильван Вальд. Никодим до сих пор помнит времена, когда они не прятали свою магическую сущность, а гордились ей. Так было до тех пор, пока охваченные жаждой власти вампиры не заключили сделку с оборотнями, ставшую роковой ошибкой: вместе они предложили свой бесценный дар людям.

Предложили им свое бессмертие.

Никодим – один из немногих оставшихся вампиров, которые своими глазами видели события Изгнания, когда вампиров и оборотней прогнали из зимних чертогов Вальд за их проступок. Их вынудили передать свои владения жителям летних просторов Сильван Уайль.

– Джей, – говорит Никодим, и его голос кажется обеспокоенным, – хватит.

---

<sup>37</sup> Граф Сен-Жермен (*фр.*).

<sup>38</sup> Пукá – волшебный народ в кельтском фольклоре, способный менять обличье и принимать как страшные для простого человека, так и приятные формы.

Джей убирает свои клинки, двумя ловкими движениями пряча их в рукавах. Меня раздражает то, как быстро он подчиняется дяде, как резко успокаивается, точно мы только что обсуждали вчерашнюю погоду. Никодим смотрит на меня, явно ожидая, что я буду вести себя так же покладисто.

– Бастьян, – говорит он. – Ты будешь делать то, что велит тебе твой создатель, сегодня и всегда. – Несмотря на то что в его голосе нет ни нотки укора, я чувствую, что это очередное испытание. Еще один урок на словесном ринге.

Когда я был ребенком, я был очень маленьким. Я чувствовал себя уютнее среди книг и музыки, чем среди людей. Пытаясь научить меня контролировать себя в толпе, мой дядя нанял лучшего борца Нового Орлеана для моего обучения. Вопреки всем протестам, меня обучили боксу. Научили защищаться. Научили нападать. Научили держать удар и наносить ответный, причиняющий не меньшую боль.

Я не выходил на ринг много лет, однако дядя продолжал словесную борьбу со мной с тех самых пор. Если я подчинюсь без колебаний, то буду овечкой, как Джей. Существом, созданным с одной-единственной целью – служить. Если же я воспротивлюсь, то снова стану ребенком, охваченным вспышкой неконтролируемого гнева.

Условия этой битвы постоянно меняются, точно времена года, но без какого-либо предупреждения. Война, которую невозможно выиграть. Единственная война, в которой я всегда проигравший.

Может быть, это потому, что всего несколько секунд назад Джей назвал меня испуганным. Может быть, потому, что теперь мне плевать на последствия. Может быть, мне просто хочется нападать снова и снова, пока мой противник не начнет воспевать *mea culpa*<sup>39</sup> и пока его кровь не зальет мне руки.

Я смеюсь, эхо моего голоса отражается от потолка.

Что-то похожее на одобрение проскальзывает во взгляде Никодима. Мой дядя презирает любой намек на слабость. По крайней мере, я вызвал его уважение. Мои братья и сестры переглядываются. Вскидывают брови. Закусывают губы, чтобы не начать меня поучать.

И еще до того как мой смех утихает, я бросаюсь в атаку.

---

<sup>39</sup> *Mea culpa*, или *mea maxima culpa* – форма религиозной исповеди в католической церкви.



## Бастьян

Все обращается в хаос еще до того, как мой кулак успевает врезаться в челюсть Джей.

Наш местный наемник настолько сбит с толку моим поведением, ему потребовалась лишняя секунда, чтобы отреагировать. Но только секунда. Он уклоняется до того, как я успеваю занести кулак. Когда Буд и Мэделин пытаются вмешаться, Никодим приказывает им остановиться.

В следующий миг Джей отскакивает от меня, хватаясь за полу моего измазанного кровью фрака. Он дергает ее вверх, пытаясь оглушить меня. Извернувшись, я скидываю фрак и целюсь ему в грудь. У меня нет времени удивляться скорости своих рефлексов. Или нечеловеческой силе каждого удара. Прежде чем я успеваю ударить, Джей делает кувырок в воздухе, наплевав на гравитацию, а потом кидается на меня, и мы оба падаем на мохнатый персидский ковер. Я успеваю лишь моргнуть, его руки уже на моей шее, а колени вжимают мой позвоночник в пол.

Драка заканчивается, едва начавшись, всего пять секунд спустя. Я раздумываю над тем, чтобы начать сопротивляться. Но вместо этого лишь хохочу как сумасшедший.

В следующее мгновение Туссен выпрыгивает из темноты, поблескивая клыками, точно следует за своей жертвой.

Гортензия бросается навстречу питону, вставая между ним и Джейм, ее глаза широко распахнуты и предупреждающе сияют.

– Non, – приказывает она. – Tu ne vas pas lui faire mal<sup>40</sup>.

Туссен отползает обратно с недовольным шипением.

Я всегда подозревал, что эта проклятая змеюка любит Гортензию больше, чем меня.

Дядя делает шаг вперед, но по выражению его лица невозможно догадаться о его эмоциях или мыслях, в его глазах мечется таинственная искра. Сцена почти комична: остатки моего белого карнавального костюма покрыты кровью, он теперь выглядит как насмешка, вместе со всеми событиями, что последовали за праздником. Мое лицо прижато к шелковому ковру, который стоит дороже, чем большинство людей могут заработать за год честного труда. Вампир не дает мне пошевелиться. Огромный питон думает, что может спасти мою честь.

Прошлой ночью я был жив и влюблен. Сегодня я танцую со смертью.

Эмоции захлестывают меня разом, и они настолько сильные, что практически невыносимы. Их невозможно контролировать. Они точно пылающие языки пламени вокруг керосинового кольца.

– Отпусти меня, – требую я негромко, приказывая себе оставаться спокойным. И снова Джей ждет разрешения дяди, снова ведет себя как овечка, послушно дожидаящаяся пастуха.

Как только Джей ослабляет хватку, я отпихиваю его в сторону, отказываясь от помощи Одетты, и быстро поднимаюсь на ноги. Я делаю глубокий вдох, презирая теперь свою старую привычку дышать. Ведь даже воздух, наполняющий мои легкие, меня больше не успокаивает.

– Что Селина предложила тебе в обмен на возможность меня помучить? – спрашиваю я у дяди.

Он не отвечает.

Мои руки трясутся от гнева, неудовлетворенного и лишь разрастающегося.

– Я все равно уже знаю, что ты натворил. Теперь я просто хочу услышать от тебя объяснения. Какую цену ты потребовал от девушки, которую я любил, пока был живым? – Мой вопрос пронзает темноту со злой прямоотой, отчего и Одетта и Арджун одновременно вздрагивают.

– Хорошо, – говорит Никодим. – Ты злишься. Пусть этот гнев станет теперь твоим утешением. Надеюсь, в один прекрасный день он подарит тебе смысл и цель.

---

<sup>40</sup> Нет, ты не будешь никого обижать (*фр.*).

Мэделин хмурится, как будто хочет что-то сказать, но не решается без позволения. Джей косится на нее и качает головой. Все они овцы. Все до единого.

– Но сначала тебе придется отшлифовать свою злость, – продолжает Никодим. – Сейчас, прямо сейчас это гнев избалованного мальчишки, а не мужчины. – Мне противно от того, что его улыбка полна сарказма. – Ты злишься, что тебе не позволили умереть на твоих условиях, Себастьян? – Дядя смеется. – Кому из нас выпадала подобная честь? Селина Руссо приняла решение заключить со мной сделку. Ее жертва даровала тебе власть побороть смерть. Она заслуживает твоей благодарности, как и я заслуживаю твоего уважения.

Горький смех срыгается с моих губ.

– Не думайте, что получится уйти от ответа на мой вопрос, Monsieur le Comte. – Я делаю уверенный, короткий шаг ему навстречу, и теперь наши лица оказываются друг напротив друга. – Что Селина дала тебе взамен?

– Шанс для тебя извлечь урок из своих ошибок и начать все сначала. Она предложила свои воспоминания о времени, проведенном с тобой, в обмен на новое начало для вас обоих. – Глаза Никодима сужаются. – Уважай ее выбор. Она заслуживает хотя бы этого.

Мне хочется посмеяться над ним и его притворством, что он якобы печется о благополучии Селины. Укорить его за то, что он навязал это решение ей, вынудил Селину согласиться. Мой дядя не станет ни с кем заключать сделку, если только не будет уверен, что он единственный, кто получит выгоду. Однако сейчас я не вижу смысла ссориться с ним. Я прекрасно осведомлен о том, что Никодим желал заполучить в результате этой сделки. То же, чего желает получить от любого смертного, которому не посчастливилось пробудить в себе чувства к одному из нас: полного подчинения и повиновения. Вены на моей руке выступают сильнее, и пальцы напрягаются, сжимаясь и становясь похожими на изогнутые, опасные когти. Мне срочно нужно что-нибудь уничтожить, пока правда не уничтожила меня самого.

– Забудь и будь забыт, – выдавливаю я из себя.

Мой дядя кивает.

Еще секунда проходит в напряженном молчании. А потом что-то шуршит во мраке на другом конце комнаты. Скорее всего, это снова Туссен, однако я все равно машинально поворачиваю шею, чтобы взглянуть. Глаза Мэделин сужаются. Бун отталкивается от стены, и дикий огонек появляется в его взгляде.

Каждому из нас не терпится вступить в схватку. Не терпится разорвать что-нибудь на части, голыми руками, как убийцы, какими мы и являемся.

– Что ж, это самое что ни на есть *rendez-vous charmant*<sup>41</sup>, – говорит Одетта, растягивая французские слова с присущим ей обаянием. – Однако если никто не возражает, я бы немного осветила эти потемки. – Сказав это, она зажигает спичку и начинает по очереди подносить огонек к каждой свече в помещении. Запах серы наполняет воздух. – Должна сказать, я не удивлена, что первой твоей тревогой стало благополучие Селины, *mon petit frère*<sup>42</sup>, – говорит она, обращаясь ко мне. – Я сегодня тайком проследила за ней, чтобы узнать о ее самочувствии. Селина была в окружении друзей, о ней заботятся лучшие врачи города, которые убедили меня в том, что она скоро совершенно поправится, – она будет здорова, как прежде. – Она быстро бормочет, перемещаясь от свечи к свече. – Не говоря уже о том, что она в безопасности. В один прекрасный день в скором будущем она, без сомнений, будет... счастлива... снова. – Она замолкает, ее тонкие брови сходятся на переносице ее вздернутого носика. – Или по крайней мере она обретет душевный покой, коим довольствуются смертные. – Пламя свечей горят ровно и спокойно, окутывая комнату теплым мерцанием.

Смех Буна разливается по комнате, когда он выходит на свет.

---

<sup>41</sup> Очаровательное свидание (*фр.*).

<sup>42</sup> Мой маленький братик (*фр.*).

– Да будет так, аминь. И правда, все это только к лучшему, братец. Понимаю, что ране еще лишь предстоит зарубцеваться, однако ты знаешь не хуже остальных, что Селина никогда бы не смогла стать частью нашего мира. Бог знает, что бы тогда с ней могло произойти.

– Кое-что произошло, – замечает Джей, тихо ворча. – Найджел чуть не убил их обоих.

– Вообще-то, меня он убил. – Выражение моего лица суровеет, печаль от этой мысли еще слишком сильна. Я останавливаю себя до того, как успеваю сделать новый, совершенно не нужный мне вдох, и снова злюсь от того, что не могу контролировать свой темперамент даже в мыслях. Я продолжаю избирать эту тактику, потому что когда я был смертным, она приносила мне удовлетворение.

Вскоре после того, как я потерял сестру и родителей, Мэделин сказала мне, что каждый раз, когда я чувствую, что вот-вот потеряю контроль над эмоциями, мне следует закрыть глаза, сделать вдох через нос и дважды медленно выдохнуть через рот.

Несмотря на то что я понимаю, что это просто психологическая уловка, я опять пытаюсь повторить старое упреждение – зацепиться за последнее напоминание о своей человечности. Я закрываю глаза. Концентрируюсь на дыхании.

Водоворот запахов наполняет мои ноздри. Аромат цитрусового воска, который используют, чтобы натирать мебель; парфюма Одетты с розовой водой; дорогое масло мирры, которым Гортензия любит брызгать длинные волосы; острый запах меди, исходящий от трости Никодима; даже несвежий дух пыли, которая собирается в бархате портьер. Однако один аромат заглушает все остальные, просачивается в мои мысли, затмевает все чувства и вводит меня в своего рода транс.

Нечто теплое и соленое, и... *вкусное*.

Еще до того, как я успеваю подумать об этом, я бросаюсь к окну, выходящему на улицу, и распахиваю тяжелые портьеры цвета индиго, не думая о безопасности.

К счастью, солнце уже почти село, и лишь последние его лучи догорают далеко на горизонте. На тротуаре на другой стороне дороги растянулся мальчишка, оступившись в своих не по размеру больших ботинках, на вид ему не больше пяти. Он, рыдая, поднимает глаза на свою мать, как будто уже стоит перед лицом смерти. Алая кровь сочится из его разбитой коленки, стекая на серые камни.

Дурманный запах меня зачаровывает. Он затмевает все остальные мысли. Я словно Моисей в пустыне. Пророк Иона, которого проглотил кит. Нет, мне вовсе не нужно отпущение грехов. Потерянные души не ищут прощения.

Мой рот наполняется слюной. Нечеловеческая сила горит у меня под кожей. Что-то внутри меня начинает пробуждаться – чудовище, которое я не могу больше сдерживать. Бороться с ним так же нелепо, как перестать дышать. Каждая секунда внезапно на счету, как в момент, когда тонешь и изо всех сил стремишься к поверхности. Мои зубы удлиняются во рту, превращаясь в клыки и пронзая нижнюю губу. Мои челюсти сжимаются, а пальцы каменеют, точно сделаны из бронзы. Если бы у меня был пульс, то уверен, мое сердце стучало бы в груди как Гатлинг<sup>43</sup>.

Я прижимаю ладони к оконному стеклу. Оно начинает трещать под натиском моих рук, трещины бегут в разные стороны, точно нити паутины.

В следующее мгновение Бун подсакивает ко мне и хватает меня за руку. Я рычу на него, как дикий зверь. Со слабой улыбкой Бун сжимает пальцы вокруг моего бицепса, чтобы удержать меня.

– Брат, – говорит он успокаивающим тоном. – Ты должен обуздать голод до того, как он тебя поглотит.

---

<sup>43</sup> Гатлинг, или картечница Гатлинга – скорострельное стрелковое оружие, прототип пулемета, названное в честь запатентовавшего его доктора Гатлинга.

Я освобождаю свою руку от хватки Буна с такой силой, что сам отшатываюсь в изумлении. Он делает полшага назад, но суровое недовольство тут же появляется на его лице. И снова он тянется ко мне, однако я хватаю брата за глотку и отшвыриваю к стене у окна, отчего портреты вокруг падают на пол.

Темная кровь выступает на затылке у Буна, две капли пачкают белоснежный воротничок, прежде чем рана заживает со звуком рвущейся бумаги. И несмотря на то что Бун остается внешне невозмутимым, я не могу не заметить испуга на его лице, который появляется и тут же исчезает.

Да и я сам сбит с толку. Покалечить бессмертного, вроде Буна, практически невозможно. Я... и правда силен. Даже сильнее, чем полагал раньше. Моя злость стала внезапно слишком большим чудовищем, я не могу ее контролировать. Мне следует его отпустить. Извиниться.

Но вместо этого я лишь сжимаю это чудовище внутри себя, и гнев разливается по моему телу, покрывая меня точно вторая кожа.

Извиняются овечки. Пусть они увидят, во что я превратился. Пусть они меня боятся.

Что-то движется у меня за спиной.

– Нет, – требует Мэделин. – Стой на месте, Арджун. Если он бросится на тебя, то точно убьет.

– Я могу помочь, – осторожно возражает Арджун. – Или по крайней мере выиграть время.

– Можешь попробовать, – шепчу я, косясь на полукровку.

Глупо с моей стороны задирать этириала. Прикосновение Арджуна может меня обездвижить, парализовать. Сделать меня беспомощным, оставив на милость моих родных. Однако меня больше беспокоит то, что может последовать за прикосновением.

Они не могут держать меня в клетке вечно.

– Я знаю, тебе сейчас кажется, что ты ничего не боишься, – говорит Арджун, обращаясь теперь ко мне. – Что это мы должны тебя бояться.

Я ничего не отвечаю, хотя чувство вины охватывает меня целиком.

– Мой смертный отец любил говорить, что гнев и страх – две стороны одной монеты, – продолжает Арджун. – И то, и другое заставляет нас поступать вопреки нашей природе.

– Или, быть может, они просто растворяют все лишнее, оставляя лишь то, чем мы на самом деле являемся. Может, в этом теперь и заключается моя природа. – Я сердито смотрю на Буна, который расставил руки, как «Витрувианский человек» Леонардо да Винчи.

– Я так себя не веду. – голос Буна низкий, но добрый. – Никогда.

Мэделин осторожно подходит ближе и замирает слева от меня.

– Себастьян. – в ее голосе звучат предостерегающие нотки. Ее клыки начинают удлиняться, без слов приказывая мне подчиниться. – Не води себя так, *mon enfant*.

«*Mon enfant*». *Дитя мое*. Мэделин стала для меня почти что матерью, когда моя настоящая мать погибла десять лет назад. И все же я ее игнорирую, ведь жажда крови бежит по моим венам, требуя действовать. Мое стремление убить кого-нибудь и уничтожить что-нибудь сейчас превышает всего.

Тюль у окна, справа от Мэделин, шуршит.

– *Ecoute-moi, mon petit diable*. – Ее сестра, Гортензия, приказывает, говоря нараспев, точно со мной разговаривает гипнотизер или медиум, призывающий духов на спиритическом сеансе. – *Nous ne sommes pas vos ennemis*<sup>44</sup>.

– Послушай ее, Бастьян, – говорит Бун, его руки тянутся к вискам. – Наши враги реальны как никогда. Если мы будем тратить время на распри, от нас ничего не останется, когда придет час решающей битвы.

---

<sup>44</sup> Послушай меня, мой маленький чертенок. Мы тебе не враги (*фр.*).

Та часть меня, что все еще сохраняет здравомыслие, понимает, что Бун абсолютно прав. Однако в ответ я лишь сдавливаю его глотку сильнее, так что он уже не может разговаривать. Ошметки штукатурки, упавшие ему на голову, начинают рассыпаться, и белая пыль оседает на его ангельских локонах.

Снова мелькает чье-то быстрое движение.

– Отпусти его, – требует Джей, хватая меня за правое плечо. Каждое его слово – как кинжал в спину. – Сейчас же.

– Ты все еще полагаешь, что я испуган? – Я холодно смотрю прямо в глаза наемнику. В моем взгляде, надеюсь, он не видит ничего, кроме презрения.

Он хмурится сильнее.

Все это ложь и вранье. Все, что я сделал и сказал до этого момента, полная чушь. Показуха.

Я действительно испуган. Испуган до смерти. С того самого момента, как понял, что со мной произошло. Но ведь я не могу позволить себе чувствовать только страх. «Я не позволю страху завладеть мной».

Джей продолжает молчать. Мой страх угрожает затмить все другие эмоции. И поэтому я держусь за свой гнев, пока тот не начинает выжигать все остальное. Последний румянец исчезает с лица Буна, его чернильно-черные зрачки разрастаются, пока даже белки глаз не превращаются в черную бездну. Его руки сжимаются в кулаки.

Я знаю, что это означает – он готовится к схватке. Мне следует его отпустить, пока все не стало еще хуже, пока все не зашло слишком далеко. Однако ненависть продолжает наполнять меня с силой, которую не с чем сравнить, она наполняет мой желудок и гнездится глубоко в костях. От этого я чувствую себя лишь сильнее. Как будто я и правда держу все под контролем. Мне не хочется отпускать это чувство. Я не могу позволить себе бояться. Я не могу быть слабым.

Какой зверь поддается инстинктам?

Тот, которому нечего бояться.

Да будет так.

Я стискиваю шею Буна крепче, ощущая, как кости на его шее начинают ломаться у меня под пальцами.

Я не замечаю, как движется Мэделин, пока она не ломает мне запястье одним взмахом руки. Я кричу и отскакиваю назад, врезаясь в дальнюю стену. Мое тело тут же принимает оборонительную позу, спина выгибается, как у пантеры. Туссен вьется у меня под ногами, обнажая свои клыки, показывая, что никому не позволит ко мне приблизиться.

Я сжимаю поврежденную руку, ощущая, как быстро сломанные кости собираются воедино, срастаются, наполняя меня теплом, точно огонек, бегущий по дорожке из пороха. Это чувство должно быть волшебным, ведь оно является очередным доказательством того, что я непобедим, однако вместо этого я осознаю себя еще большим чудовищем. Еще одно напоминание о том, что во мне больше нет ничего человеческого.

Никто не двигается. Мэделин стоит, словно страж, рядом с рухнувшим на пол Буном, который держится за свое горло и кашляет, кровь капает с его губ. Его глаза злобно сверкают, когда Мэделин обнажает клыки, глядя на меня и шипя сквозь стиснутые зубы.

Рядом с ней стоит Арджун, он молча ждет, засунув руки в карманы, а его монокль болтается на золотой цепочке под подбородком. Гортензия ерзает за спиной Мэделин, на ее губах застыло подобие усмешки. Джей просто смотрит на меня в упор с выражением отца, расстроенного поведением своего непутевого сына. Одетта, глядя на меня, кажется... печальной.

– Все как я предполагал, – говорит Никодим. Со стороны можно подумать, что его тревожит такой поворот событий, однако я знаю своего дядю слишком хорошо. Он не сделал ничего,

чтобы помешать мне покалечить Буна, и даже не попытался вмешаться, когда остальные выступили против меня. Его янтарные глаза блестят. Блестят с невыразимым удовольствием.

Никодим хотел увидеть, что может произойти. Подозреваю, его теперь распирает от восторга – он увидел мою силу. Увидел, во что меня превратила его бессмертная кровь.

Для Никодима Сен-Жермена все это не больше чем очередной эксперимент.

Я игнорирую все вокруг, зажимая глаза.

Вдох через нос. Выдох через рот.

И опять запах крови снаружи меня зовет. Окруженный со всех сторон вампирами, моими братьями и сестрами, я знаю, что не смогу вырваться и утолить свой голод. И хотя я напал на одного из своих, они все равно будут винить себя в моей беспечности. Все равно будут бороться за то, чтобы спасти меня от самого себя, несмотря на то что я почти сломал Буну шею голыми руками несколько секунд назад.

Я озираюсь по сторонам. Ищу внутри себя какую-нибудь другую эмоцию. Но ничего нет. Я не чувствую благодарности к своим бессмертным сородичам. Внутри меня лишь отчаяние.

Задышавшись от жажды крови, я все же отступаю назад. Моя грудь вздымается, и я останавливаю взгляд на своем дяде, который даже не сдвинулся с места и по-прежнему стоит у роскошного деревянного стола, на котором я недавно лежал. Дядя наблюдал за происходящим все это время с совершенно невозмутимым видом.

– Этой ночью ты отправишься на охоту с Джем и Буном, – говорит Никодим легко, как будто выдает рецепт на лекарство больному простудой. – Они научат тебя, как выбирать жертву. Научат, как избавляться от следов и улик, чтобы твое безрассудное поведение никому из нас не доставило проблем.

– Нет, – отвечаю я. – Я никуда не пойду ни с кем из вас.

– Если ты отказываешься учиться по нашим правилам, то не покинешь этой комнаты вовсе, – возражает Никодим, даже не дрогнув. – Я не могу рисковать, чтобы ты позволял себе устраивать сцены.

Отвращение захлестывает меня на миг. Моего дядю больше беспокоит тот факт, что я могу привлечь нежелательное внимание к нашему ковону, чем то, что жизнь невинного человека может оказаться в моих руках. Я могу убить всех людей до единого, и ему все равно будет плевать, главное, чтобы я замел все следы.

Я принимаю решение, даже не обдумывая.

– Тогда я останусь здесь.

Здесь, в ресторане «Жак», трехэтажном здании, принадлежащем моему дяде, на улице Руаяль, я хотя бы не стану угрозой для незащищенных смертных, которым не повезет подойти слишком близко. Если же я отправлюсь бродить по улицам города-полумесяца, то тот мальчишка и его мать, и любой поблизости, будут убиты до того, как я сделаю новый вдох, чтобы подумать о последствиях.

Никодим недовольно втягивает щеки. Его брови изгибаются.

– И что же ты будешь есть? – интересуется он хладнокровно.

Я почти что бледнею.

– Принести мне столько, сколько нужно, чтобы я выжил. Не больше. – Если мой голос будет звучать достаточно повелительно, быть может, он не станет спорить.

Злость появляется на его лице.

– Это так не работает, Бастьян.

– Теперь это работает так.

– Мешки с кровью внизу не...

– Не смей называть их так в моем присутствии, – прерываю я дядю, рассерженный оскорблением. Раньше он никогда не говорил так при мне.

Он шурится, глядя на меня, и спрашивает:

– А что ты сделаешь в ином случае? Ты лишь начинаешь осознавать, кем стал. Будешь душить их в своих объятиях? Будешь слушать, как они кричат, умоляя о пощаде? Или научишься тому, как делаем дело мы, подавляя их эмоции и всегда оставаясь в тени?

Отвращение внутри меня нарастает. Меня уже пытаются научить тому, что смертные не больше чем низший вид. Лишь вчера я был одним из них, юноша, подающий надежды, со светлым будущим. Мальчишка с душой. А теперь я демон в тени, питающийся украденной кровью.

Я не желаю, чтобы мне постоянно напоминали о цене за возможность быть бессмертным. О цене, которую заплатила Селина. О цене, которую плачу я.

– Держите их подальше от меня, – говорю я. – Если люди не знают, кем я стал, то я не хочу их видеть.

Никодим делает шаг вперед. Опасность таится в том, как он сжимает ревущего льва на медной рукоятке своей трости. Он считает меня слабаком.

И тем не менее я отказываюсь следовать его правилам.

– Я могу приносить ему пищу первое время, – встречается в наш разговор Одетта. – Мне совсем не сложно. Завтра первым же делом я сделаю новый заказ в «Грин Фейри».

Я кошусь на нее с любопытством.

– Капсула с полынью, которая препятствует сгущению крови, – поясняет она. – Если кровь остывает или застаивается, она начинает сворачиваться. – Она старается говорить успокаивающим тоном.

Конечно. Значительная деталь, о которой я никогда раньше не задумывался. Никодим смотрит на Мэделин.

Она в ответ кивает.

– Хорошо, – говорит Никодим. – Но я не позволю этому продолжаться долго. Ты будешь учиться тому, как живем мы, и неважно, как сильно ты презираешь наши правила. – Он указывает концом своей трости на мою грудь. – И ты будешь повиноваться своему создателю без вопросов, как будешь повиноваться и своим братьям и сестрам, иначе тебя изгонят из города. – Сказав это, он выходит из комнаты, исчезая во тьме коридора.

После некоторого молчания Одетта вздыхает. А затем яркая улыбка появляется на ее лице.

– Сыграем в шарady?

Джей хмыкает.

– Ты... утомительная.

– А ты просто ходячий словарь, Джейяк, – усмехается Одетта.

– Не подначивай его, – командует Мэделин до того, как эти двое успевают продолжить перепалку, она выглядит совершенно измотанной. Достаточно всего этого на сегодня.

Одетта скрещивает руки на груди и поджимает губы.

– Le chat grincheux<sup>45</sup> первый начал.

– Я надеялся пробудить в тебе благородные качества, – говорит Джей.

– Глупыш, – срывается Одетта. – Ты же знаешь, у меня таких нет.

– Хватит! – говорит Мэделин. Она смотрит на меня. – Сядь, Бастьян. Тебя ждет лекция, tout de suite<sup>46</sup>.

Гортензия зевает. Она падает на ближайший стул и закидывает ноги на чайный столик, скрещивая их.

– Ça sera un grand ennui<sup>47</sup>, – нараспев говорит она мне.

---

<sup>45</sup> Сварливый кот (фр.).

<sup>46</sup> Сейчас же (фр.).

<sup>47</sup> Будет что-то очень скучное (фр.).

– Я не в настроении для твоей лекции, – отвечаю Мэделин я.

– Ты чуть не сорвал чертову голову Буна прямо с плеч, дружище, – британский акцент Арджуна будто обводит каждое его слово четким контуром. – Учись на своих сегодняшних ошибках, чтобы не повторить их завтра.

– У меня нет в планах совершать ошибки сегодня, завтра или в любой другой день, – сержусь я, сглатывая собственную кровь. Голод отказывается покидать мои мысли. – Полагаю, мне нужно лишь принять... – Я смотрю на свои руки, пальцы до сих пор согнуты, как бронзовые когти. – Свою участь. Свое новое будущее. И неважно, как сильно мне хочется, чтобы все было иначе.

– Даже если это иначе означало бы, что ты бы и правда умер? – неуверенно уточняет Одетта.

Я отвечаю быстро, не тратя времени на сомнения:

– Да.

Какое-то время все они молчат.

Затем Джей подходит ко мне.

– Ничего хорошего не выходит из размышлений о том, что мы не в силах изменить. – Он поигрывает желваками. – Мышцы скачут у него на челюсти. – И лучше бы тебе научиться быть вампиром побыстрее. Правила просты, Себастьян. Если ты не сможешь обуздать свой аппетит, если привлечешь ненужное внимание к нам своим бесконтрольным насилием, то тебя выгонят из Нового Орлеана. Наши мир и покой превыше всего.

Бун выразительно кашляет, будто бы прочищая горло.

– Мы не можем позволить повториться тому, что произошло в Дубровнике и в Валахии несколько сотен лет назад, когда столь многие из нашего числа пали в результате бессмысленных войн и предрассудков. Более того, я даже могу вспомнить, когда...

Со вздохом я перестаю слушать, и его голос превращается в непонятное жужжание где-то над ухом, пока я просто таращусь на потрескавшееся оконное стекло на другом конце комнаты и испорченную стену рядом, лишь темно-синяя бархатная портьера подрагивает, как маятник. Я продолжаю смотреть на нее, позволяя ритмичным движениям ввести меня в транс. По старой привычке мои пальцы скользят к шее, чтобы нащупать пульс, это простое действие всегда помогало мне вспомнить, что я человек.

Отсутствие сердцебиения оставляет меня опустошенным, как неожиданный удар в грудь. Я поворачиваюсь и отхожу в дальний угол комнаты. Боковым зрением вижу, как пламя свечей поблескивает, отражаясь от зеркал в позолоченных рамах. Я приближаюсь к серебристой поверхности зеркала, как смертный, выставя одну ногу перед другой, покачивая ладонями, опущенными по бокам.

– Лучше не стоит, *mon cher*<sup>48</sup>, – предостерегает Одетта, спеша следом за мной. – Не сегодня. Пусть пройдет немного времени. *Un moment de grace*<sup>49</sup>. – Она улыбается нашему с ней отражению, но в ее глазах сияет подозрительное беспокойство. – Все мы могли бы быть чуть менее требовательными к самим себе, *n'est-ce pas?*<sup>50</sup>

Я не обращаю на нее внимания. Что-то в ее сестринской заботе выводит меня из себя, злит, как никогда не злило прежде. Я разглядываю свою внешность, отказываясь отворачиваться от зеркала, и неважно, как сильно испугает меня то, что я там увижу. Мои клыки блещут, как кинжалы, выточенные из слоновой кости; глаза сияют, словно подсвеченные изнутри неким потусторонним светом. Тоненькая струйка крови стекает с моей нижней губы, где клык проткнул кожу.

---

<sup>48</sup> Мой дорогой (*фр.*).

<sup>49</sup> Придет момент истины (*фр.*).

<sup>50</sup> Не так ли (*фр.*).



Я похож на чудовище, восставшее из ада. Жуткое существо из сказок братьев Гримм, ожившее и сошедшее с книжных страниц.

Мне... ненавистно то, во что я превратился. Несмотря на то, что я никогда прежде ничего не презирал. Мне хочется избавиться от мира вокруг, как змея избавляется от старой кожи. Оставить все это гнить в пыли, чтобы я смог просто выйти на солнце и вдохнуть свежий воздух полной, смертной грудью. Я хочу любить и надеяться, и умереть, испытав все невзгоды и трудности, которые идут рука об руку с жизнью, которые делают ее такой ценной.

Я бы все отдал за шанс снова стать смертным мальчишкой, стоящим перед девушкой, в которую влюблен, волнуясь и мечтая, что она возьмет меня за руку и отправится со мной в неизвестное будущее.

Отчаяние пронзает все мое существо. И я его прогоняю, позволяя жажде крови опять завладеть моими мыслями, вижу, как мои глаза чернеют, как уши удлиняются, а клыки становятся больше, словно когти, снова царапая кожу, и алая кровь течет по шее, пачкая воротник.

– Бастьян, – повелительным тоном говорит Мэделин за моим плечом, выражение ее лица твердо, будто лицо стало каменным. – Многие новорожденные вампиры теряют голову от жажды и голода, пытаюсь заглушить ими горечь и печаль, уничтожая в себе все те чувства, какими обладали при жизни, – говорит она. – Мало кто выживает в первые десять лет, они предпочитают выйти на солнце или умереть от рук старших сородичей. Не ступай на путь разрушения, каким бы заманчивым он тебе ни казался. – Она склоняется ближе к зеркалу, изучая меня какое-то время. – Лучшие из нас никогда не отказываются от своей человечности.

– Чем сильнее пылает злость, тем больше она приносит вреда, – говорит Арджун. – Мой отец стал тому подтверждением.

– Позволь себе ощутить свой гнев, но не сдавайся ему, – продолжает Мэделин, – ибо он тогда станет твоей кончиной.

– И во власть чего, по-твоему, я должен сдаться вместо этого? – спрашиваю я свое отражение хриплым шепотом.

Одетта указывает рукой на компанию бессмертных, собравшихся передо мной.

– Мы были бы не прочь, если бы ты выбрал любовь, – отвечает она.

– Любовь? – повторяю я, стискивая края позолоченной рамы обеими руками, мои глаза выглядят даже более черными, чем смоль.

Одетта кивает.

– Это не сказка о любви. – Мои руки разжимаются, на металлической раме остаются уродливые вмятины. Мне ничего не хочется так сильно, как выпустить демона изнутри себя на свободу. Бросить вызов и луне, и звездам, и всему, что существует под бескрайним небом.

А еще мне хочется забыть раз и навсегда, что я когда-то был влюблен. Забыть каждого из бессмертных, что стоят вокруг меня, точно стражники на моем пути. Забыть своего проклятого дядю и то, что он принес это горе в нашу семью. Забыть Найджела и то, что он предал нас и бросил меня задыхаться в луже собственной крови.

И меня просто распирает от желания проклясть ее. Я хочу забыть ее лицо. Забыть ее имя. Ее острый ум. Ее смех. То, как я ощущал себя полным надежд и страстей, и мечтаний, и чувств. Для меня Селина Руссо умерла прошлой ночью в соборе Сен-Луис. Точно как умер и я.

Настоящий герой нашел бы способ вернуться к ней. Нашел бы способ получить прощение для своей потерянной души. Получить шанс снова выйти на свет.

Только такого способа нет. А я никакой не герой. Поэтому я выбираю путь разрушения.

## Эмили

Их называли пиками Ромео.

В бледном свете матушки-луны они походили на железные короны, надетые на вершины тонких колонн, что поддерживали балкон. Куски скрученного металла с шипами, указывающими в небеса, предназначенными предостерегать непрошенных гостей.

Эмили улыбнулась сама себе.

На самом деле они предназначались вовсе не для каких-то там непрошенных гостей. Они были созданы для потенциальных «Ромео», которые трудились над соблазнением своих благодетелей «Джюльетт». Только представить... разгоряченный молодой человек, готовый взобраться по балкону, когда ему не терпится заслужить восхищение своей дамы сердца. Эти пики поймают его за яйца, в самом прямом смысле слова. Жуткое, однако подходящее наказание для города, у которого такое же жуткое, полное призраков прошлое.

Другими словами, Эмили находила подобные легенды просто восхитительными.

Она дождалась, пока звуки шагов последнего прохожего не растворятся вдалеке. Пока вокруг нее не останется лишь шелест листвы на ветках деревьев и стрекотание цикад в кустах. Мелодия раннего мартовского вечера.

Подобные пики не смогут сдержать ее. Она не какой-то там безмозглый Ромео и совсем не Джюльетта, затаившаяся в розовых зарослях, особенно если сравнивать с другими. Эмили ухватилась за металл изящной колонны, согретый солнечными лучами, и начала карабкаться вверх. Как только она добралась до первого балкона, то юркнула в тень за перилами, и листва защекотала ей сзади шею, путаясь в ее каштановых кудрях. Из дома за окном доносился шум суматошных слуг, которые носились с приготовлениями к вечерней трапезе, и оттуда тянулся едва уловимый аромат пота, соленый и сладкий одновременно, манящий Эмили.

Осторожничая, чтобы издавать не больше шорохов, чем привидение, Эмили вскарабкалась по узким железным колоннам на третий этаж здания. И снова она скрылась в тени, поджидая, чтобы убедиться, что ее никто не заметил, а затем выпрямилась и встала, вглядываясь в здание напротив, изучая каждую его деталь.

Прошло уже две недели после жутких событий в соборе Сен-Луис. Согласно отчетам и рапортам, ее младший брат, Себастьян, единственный живой наследник династии Сен-Жерменов, был смертельно ранен, из его горла в буквальном смысле вырвали кусок плоти. Неделию назад по французскому кварталу разлетелся слух о том, что монсеньор пришел и ушел, обговарив детали прощальной церемонии, однако последние приготовления к похоронам так и не были закончены.

Все это заставляло Эмили нервничать, а она ненавидела подобные ощущения. Ей необходимо получить ответы на свои беспокойные вопросы, чтобы она спокойно могла приступить к следующей фазе своего грандиозного плана. Поэтому-то она и стояла теперь на заброшенном балконе напротив ресторана «Жак», пытаясь разглядеть хотя бы намек на фигуру своего брата в окнах, на то, что он мог невероятным образом выжить.

Прошел час, но Эмили продолжала шуриться и всматриваться. Она скрестила руки на своей худенькой груди. Нет, невозможно, чтобы Бастьян выжил после того, как такой сильный вампир, как Найджел, почти что оторвал ему голову. Ни одному смертному не под силу вынести подобные мучения. Быть может, было бы поэтичнее, если бы Бастьян погиб в огне, однако подобной участи Эмили не желала никому, даже худшему из своих врагов. Такой смерти – медленной и мучительной, когда задыхаешься от копоты и собственных криков, – не заслуживает никто.

Ее пальцы пробежали по неровной коже на шее. Даже темная магия, которая превратила ее в волчицу, не смогла полностью исцелить те увечья. Уверенность Эмили лишь росла.

Некоторые раны она носила не на коже, они навеки остались в ее душе.

Нет. Ее брат не мог выжить после нападения Найджела Фитцроя, которое она же и спланировала. А Никодим скорее погибнет сам, чем обратит Себастьяна в вампира. Риск, что ее брат просто-напросто сойдет с ума, был слишком велик, особенно учитывая случившееся с их родителями, не говоря уже о перемирии, заключенном Падшими с Братством. Если ее дядя приведет нового вампира в город, не спросив перед этим разрешения у Луки, грянет война.

Никодим не мог рисковать новой войной. Этот урок он усвоил еще в далеком прошлом. Урок, который однажды сделал его слабым. Предсказуемым. Наполнил страхами. Какая жалость, однако, что ее дяде еще лишь предстоит усвоить величайший жизненный урок из всех: существо, не имеющее страхов, есть существо, способное на все.

Какое-то движение привлекло внимание Эмили на верхнем этаже здания напротив. Темно-синие бархатные портьеры раздвинулись, и в окне появилась фигура, которая была Эмили знакома.

Одетта Вальмонт.

Злость пробудилась в душе Эмили, сдавив ее грудь ледяными клешнями. Она вдохнула воздух, наполненный ароматом жасмина, чтобы немного успокоиться. Какая удача – заполучить такого верного вампира, как Одетта, в качестве одного из своих доверенных лиц. Как бы это помогло успокоить ее смертные страхи, если бы подобный непобедимый бессмертный был рядом, чтобы защитить ее.

Вероятно, если бы у Эмили была опекунша вроде Одетты Вальмонт, ничего этого не случилось бы. Ей бы не пришлось рисковать жизнью ради спасения своего маленького брата из огня. Она бы не оказалась в ловушке пламени в тот день. Ей бы не пришлось предавать свою семью, данную ей от рождения, ради другой семьи, которую она выбрала после смерти.

Себастьян не заслуживал подобной верности. Он не сделал ничего, чтобы заслужить этого, разве что родился под счастливой звездой.

На протяжении почти десяти лет младший брат Эмили воспринимал защиту и верность Одетты как нечто само собой разумеющееся, как нечто само собой разумеющееся воспринимал он и служащих ему многочисленных вампиров. У Бастьяна было все, чего когда-либо желала для себя Эмили: верность; лучшее образование, какое только можно купить за деньги; полное светлых обещаний будущее. Шанс управлять королевством своего дяди, хотя он никогда даже не изъявлял подобного желания.

Что ж, все это выглядит вполне логично. Ибо Себастьян никогда и не заслуживал всего этого. Глупец, который умудрился вылететь из академии Вест-Пойнт из-за своего раздутого самомнения.

Эмили ни за что бы не упустила подобную возможность. Она бы встала во главе всех их, если бы только получила шанс. Однако это место никогда не предназначалась ей. Оно предназначалось любимому сыночку. Все всегда предназначалось Бастьяну. И в конце концов даже ее собственная жизнь оказалась отдана за него.

Больше десяти лет Эмили держалась на расстоянии. Наблюдала и ждала, чтобы узнать, кем станет ее повзрослевший младший брат. Путешествуя по миру, она внимательно читала все отчеты, которые отправлял ей Лука, и они лишь разжигали ее злость. Усиливали ее зависть.

Себастьяну предназначалось унаследовать все то, что Эмили презирала в своем дяде. Ему было уготовано стать мужчиной, которого больше всего и прежде всего волновали бы лишь деньги и влияние, который тем временем воспринимает как должное свою семью и миллионы возможностей, доступные ему.

Эмили нахмурилась, наблюдая, как миленькая фигура Одетты двигается по роскошному залу. Темные локоны девушки повернулись к окну, и показалось печальное личико. Обеспокоенное чем-то.

Улыбка расцвела в уголках губ Эмили.

Она с радостью подставит свое плечо этой очаровательной пиявке, чтобы та на нем поплакала. С удовольствием выслушает все ее тревоги и страхи. Вытрет загрустившие глазки. А потом разорвет ее лебединую шею.

В следующий миг всем известный наемный убийца Львиных чертогов показался в поле зрения Эмили, прямо за плечом Одетты.

Радость Эмили тут же растворилась. Шин Джейяк ее беспокоил. Расследование Луки помогло связаться с помощником на Крите, который заглянул в архивы греческого Братства, откуда выяснилось, что наемник представляет серьезную угрозу для них всех. Он был ловок в обращении со всеми видами кинжалов и мечей, а также знал бесчисленное множество способов убийств даже без оружия, мог отнять жизнь голыми руками. Уже три разные стаи оборотней пытались избавиться от Джея, в итоге погибли все до единого, а этот убийца каждый раз бесследно исчезал. Если Джей узнает, что в убийстве Бастьяна была замешана Эмили или что Братство предоставило ей укрытие, никакое перемирие не спасет их от гнева этого вампира.

Эмили продолжала наблюдать за Одеттой и Джейем, а зависть тем временем продолжала прожигать ей желудок. Наконец она заставила себя расправить плечи и размять шею.

Зависть – это малодушно, – мелочная эмоция. Сильные не сдаются в ее объятия.

Они идут в бой.

Эмили еще раз осмотрела все три этажа здания, как делала на протяжении всей последней недели, не обнаружив никаких признаков присутствия Бастьяна. И ни намек на безрассудного новорожденного вампира, разгуливающего по комнатам «Жака». Никаких тел, от которых приходится избавляться под покровом ночи. Никаких свидетельств, что там, в темных углах, поджидают бессмертные, готовые обучить Бастьяна своим бездушным урокам кровопролития.

Если ее брат и впрямь восстал из мертвых, он бы уже проскользнул во мрак. В ту же ночь две недели назад, когда произошел инцидент в соборе, Эмили расставила своих оборотней-часовых по всем углам улицы рядом с парфюмерным салоном Валерии Генри, ибо это было единственным местом во всей Луизиане, где Бастьян мог бы заполучить для себя *fetiché*, талисман, созданный защищать его от дневного света.

Однако даже духа ее брата не появлялось возле этого салона.

Все говорило Эмили о том, что ее план сработал: у дяди больше нет живого преемника, которому можно передать свое наследство. Он был уничтожен руками его же племянницы, которую дядя бросил когда-то умирать.

Но тогда почему же Никодим не передал останки Себастьяна для захоронения в их семейном склепе? И почему Эмили до сих пор переживает?

Если Лука узнает, что она натворила, он скажет, что ей не о чем волноваться. Ее верный любовник скажет, что дядя достаточно умен и не стал бы нарушать мирное соглашение. Однако Эмили не могла рассказать Луке. Пока что не могла. Вероятно, он согласился бы, что ей давно следовало отомстить за свою трагическую смерть, однако он не одобрит ее методы. И наверняка разозлится из-за того, что она провоцирует Падших спустя десять лет перемирия и ставит под угрозу безопасность Братства.

В любом случае, что сделано, то сделано. И хотя у Никодима много недостатков, он никогда не изменял своим извращенным принципам. Он ведь наблюдал, как умирала она, и даже пальцем не пошевелил, чтобы спасти племянницу. Когда мать Эмили, Феломена, бросилась под солнце, он не спас ее от смерти и после не оплакивал ее.

Эмили хотелось верить, что Никодим не обратил Себастьяна в вампира.

Однако для ее брата делались исключения и прежде.

И пока Эмили не увидит своими глазами могилу Бастьяна под палящим солнцем Нового Орлеана, пока она не убедится, что он лежит под надгробным камнем и тело его гниет внутри, она не сможет отпустить свое беспокойство.

Завтра ночью она вернется. И послезавтра тоже.

Пока не узнает ответа на свой вопрос.

## Одетта

Картина, представшая перед Одеттой, была жизнерадостной.

Три юные девушки стояли за окном магазина, а свет заходящего солнца наполнял все вокруг. Приглушенный смех наполнял пространство, смешиваясь с шорохами распаковываемых посылок, коричневая бумага летела во все углы еще не приведенного в порядок нового помещения. Иногда среди этой суеты и суматохи показывался щенок корги, который, звонко тявкая, дергал оберточные ленты, пытался жевать выброшенную бумагу, а потом подкидывал ее в воздух и радостно повизгивал.

Изящная девица с личиком в форме сердца и яркими голубыми глазами – ее звали Филиппа Монтроуз – приняла деловитую позу: руки уперты в бока, бровки сдвинуты, незнакомая Одетте товарка с медной кожей и черными волосами, напевая себе под нос, бодро сновала за прилавком, разбирая коробки с лентами и пестрыми тканями. И хотя обе девушки были сосредоточены на работе, их глаза оставались напряженными, то и дело возвращаясь к бледной подруге, устроившейся в уголке и устало улыбающейся, несмотря на синяки под глазами.

Одетта вздохнула, продолжая наблюдать за этой мизансценой, стоя в тени навеса у здания через дорогу.

Селина выглядела куда лучше, чем неделю назад, когда Одетта тайком навещала ее в последний раз. Однако прекрасная юная девушка очень похудела, роскошные изгибы ее тела как будто истаяли. И она по-прежнему двигалась очень осторожно, морщась почти при каждом движении; на рану у нее на шее были наложены швы, а правая рука безучастно болталась сбоку.

– Прошло всего две недели, – раздался мужской голос за плечом у Одетты. – Подожди, пусть пройдет еще немного времени. – Шин Джейяк остановился рядом с ней. – Несмотря на свой внешний вид, она правда выздоравливает. Люди куда упрямее, чем нам порой хочется думать.

– Это ты расспрашивал про Селину в больнице на прошлой неделе? – пробормотала она. Он ничего не ответил.

Одетта скривила губы, косясь на него.

– Мне сказали, что джентльмен, не пожелавший раскрывать своего имени, приходил узнать о здоровье мадемуазель Руссо. – И несмотря на то что в голосе Одетты проскользнула усмешка, ее черные глаза оставались добрыми. – Я даже не ожидала, что тебя будет так сильно волновать благополучие какого-то смертного, Джейяк.

– Она немало значила для Бастьяна. – Костяшки пальцев на его левой руке побелели. – И Найджел не имел права причинять вред, который причинил, ни одному из них.

Одетта сглотнула, чувство вины снова начинало просыпаться внутри нее.

– Это была не твоя вина.

– И тем не менее. – Он сделал вдох. – Она уже лучше спит?

– Ей до сих пор снятся кошмары. Санитар в больнице сказал мне, что она просыпалась с криками почти каждую ночь перед тем, как ее не выписали три дня назад.

Джей помрачнел:

– Никодим наложил на нее чары лично. Воспоминания не должны причинять ей беспокойство.

– Ты же слышал рассказы о солдатах, которые лишались рук или ног во время сражений, а потом все равно ощущали конечности после потери. – Одетта уставилась на Селину, когда та встала и подошла к Пиппе, чтобы помочь с посылкой, за что получила выговор от подруги за то, что таскает такие тяжести. – Может быть, она просто слишком много лишилась, – закончила фразу Одетта.

Они оба повернулись, когда мальчишка пробежал мимо них, ветер растрепал уложенные складки юбки Одетты и подол пальто Джея. Громкий смех срывался с губ мальчишки, пока его друг несли следом за ним. Напевавшая себе под нос брюнетка за витриной на другой стороне улицы выглянула в окно, чтобы тоже взглянуть на происходящее.

– Нам лучше уйти, пока никто не заметил нашей любознательности, – проворчал Джей.

– Еще минутку.

Выражение его лица немного смягчилось.

– Разумеется. Сколько тебе угодно.

Одетта вскинула брови.

– Осторожно, *mon cher grincheux*<sup>51</sup>. В один прекрасный день я могу обвинить тебя в сентиментальности.

– Я жду здесь не ради ее благополучия.

– Да неужели? – ухмыльнулась Одетта.

Он уставился на шрамы на тыльной стороне своей ладони.

– Ты помнишь тот вечер, когда мы отправились на поиски Мо Гвай?

Одетта кивнула, посерьезнев.

– Ты сказала, что общешься со мной. Что сожжешь колдуна в пепел за то, что он сделал со мной, – продолжал Джей. – Потому что я твой брат.

Одетта снова кивнула, ком встал у нее поперек горла.

– Селина Руссо тебе небезразлична. – Он сделал паузу. – Ты моя сестра, Одетта Вальмонт. До скончания времен.

Не говоря ни слова, Одетта потянулась и взяла его за руку. Джей вздрогнул, но потом переплел свои покрытые шрамами пальцы с ее пальцами. Совсем не характерный для Джейя жест, который тронул Одетту в том месте, где когда-то билось ее сердце, и магия темного дара заставила кровь в ее груди бежать быстрее.

– Ты когда-нибудь желал что-нибудь изменить в своем прошлом? – спросила она, когда они продолжили наблюдать за тремя особами, занятыми попытками обустроить магазинчик. – Жалел о чем-нибудь?

– Бессмертная жизнь слишком длинная, чтобы заикливаться на сожалениях.

– Я пригласила Селину в наш мир, – вздохнула Одетта. – Быть может, если бы я этого не сделала, ничего из тех ужасных событий не случилось бы.

– Может быть. Однако решением самой Селины было отказаться от воспоминаний.

– Разве? – спросила Одетта едва слышно. – Бастьян сказал, он бы предпочел настоящую смерть.

– Он всего лишь мальчишка. Мужчина не прячется от своих страхов. Он встречает их лицом к лицу.

– Хотелось бы мне сделать его снова мальчишкой.

– Тогда получается, ты хочешь его уничтожить. – Голос Джейя прозвучал резко.

– А ты сам когда-нибудь мечтал быть уничтоженным? Или мечтал вернуться к более простой, легкой жизни?

– Нет. – Он встретил взгляд Одетты, яростный огонек метался в его темных глазах. – Потому что тогда бы я никогда не встретил свою семью. Не нашел свою бы цель. Для меня это награда, достойная того, чтобы вытерпеть сотню тысяч порезов и утратить каждый осколок моей проклятой души.

Одетта сжала его руку.

– Вот видишь? – сказала она. – Какой ты сентиментальный.

---

<sup>51</sup> Мой дорогой ворчун (*фр.*).

Нечто похожее на ухмылку растянуло губы Джея. А потом рука об руку они ушли из своего тайного наблюдательного пункта, скрывшись в сгущающейся тьме аллеи.



## Джей

Шин Джейяк недовольно уставился на своего подопечного на другом конце комнаты. Нет, стоит уточнить. Больше не подопечного. Теперь это был его брат по праву крови.

Себастьян Сен-Жермен. Новорожденный вампир Львиных чертогов, которому всего лишь месяц от роду.

Жаль, что телесные наказания не одобрялись его братьями и сестрами. Если кто и заслуживал хорошей взбучки, так это Бастьян.

Как будто прочитав мысли Джея, Бастьян ухмыльнулся, и угрюмая усмешка искривила губы юного вампира. В полуприкрытых глазах Бастьяна заплясал огонек самодовольства. Он указательным пальцем гладил Туссена по подбородку, зачарованная змея приподняла хвост и покачала им из стороны в сторону, будто это маятник на часах, а затем, скрутив его в кольца, уложила у ног Бастьяна.

Джей подумал, что, вероятно, стоит встать и прочесть Бастьяну еще одну лекцию о правилах хорошего тона, однако темнокожая женщина с заостренными ушами и вздернутым носиком – явно дитя любви смертного и какого-нибудь токкэби<sup>52</sup> – прошествовала мимо него. Спелые виноградины падали из ее тонких пальцев, пачкая дорогой ковер под ее босыми ногами. Тощий колдун скользил следом за ней, словно тень, то и дело наклоняясь, чтобы подобрать брошенные ягоды, и жадно облизывал пальцы с опасным блеском в лиловых глазах.

Джей раздул ноздри. Он уже был сыт по горло непрошеными гостями. Это правда, что семья Сен-Жермен нередко предоставляла представителям волшебных народов убежище. Изгнанникам, полукровкам, колдунам и их прислужникам с пустыми глазами. Лучше пусть собираются здесь, под покровительством Падших, чем ищут помощи у Братства.

Однако разворачивающиеся перед Джейем сцены нескончаемого разврата были выше его сил. Всего месяц назад это были спокойные вечера с играми и картами. Иногда компания друзей могла распить бутылку или две. В зале, заполненном приглушенным смехом и звоном бокалов, совершались магические сделки.

Происходящее сейчас могло переплюнуть в своей порочности оргии Диониса. Разбитые графины и осколки бокалов усеивали пол вперемешку со смятой одеждой, оставленными там и тут яблочными дольками и кусками апельсиновой кожуры. Красное вино капало с узкого серванта, темная жидкость заливала каррарский мрамор, точно кровь. Застоялый воздух собрался под резным потолком из красного дерева, смешиваясь с серовато-голубым опиумным дымом и подозрительно сладким духом абсента.

Капельки шампанского окропили Джейю плечо, когда темнокожий молодой человек, которого Джей не видел прежде, выбил пробку из новой бутылки. Половина тут же разбрызгалась по комнате, залив обшитые деревянными панелями стены и стекая по раме живописного шедевра, который Никодим раздобыл в Мадриде пару месяцев назад.

Джей откинулся на спинку самого неудобного стула в этом зале и продолжил мрачно наблюдать за Бастьяном, который развалился в кресле в углу, обитом темно-синим шелком. Шампанское капало с его коротких черных волос, пока он покачивал в руке кубок, наполненный теплой кровью с абсентом.

Полуголый кобольд<sup>53</sup>, изгнанный из Вальда за продажу пустых желаний ничего не подозревающим смертным, и хохочущий спригган<sup>54</sup> с лавровым венком на голове устроились на

---

<sup>52</sup> Токкэби, или «корейский гоблин», – легендарное существо корейской мифологии, полубожество или дух, наделенный волшебными силами, который иногда использует свои таланты, чтобы помочь людям, а иногда чтобы обмануть.

<sup>53</sup> Кобольды – духи – хранители дома в мифологии Северной Европы, которые обожают богатства и любят наводить хаос и беспорядок в доме.

полу рядом со свернувшимся кольцами Туссенем, напившись до беспамятства. За спиной Бастьяна крутилась кучка его поклонников: двое спрайтов-полукровок (мальчишка с белыми, как у пука, волосами, и девчонка с выдающими ее лисьими глазами, как у кумихо<sup>55</sup>) кружили возле кресла, не скрывая своего голода.

Глупышки. Они прекрасно знали, кем является Бастьян. Отлично понимали, на что способны вампиры. Все гости Львиных чертогов обязаны были знать правду, Бастьян сам отдал приказ об этом. Однако его не волновало, что случится с их воспоминаниями позже. Главное, что они знают, с какой опасностью могут столкнуться, если войдут. И все они прекрасно понимали, какой силой обладают новорожденные вампиры. Однако вопреки всему маячили у Бастьяна перед глазами.

Резная спинка стула Джея заскрипела, когда он заерзал на месте, продолжая сверлить убийственным взглядом собравшихся. Стул и правда был ужасно неудобным, однако Джей любил его, потому что он не соответствовал своей наружности. Изящно изогнутые ручки и мягкое шелковое сиденье цвета темных роз выглядели очень гостеприимно. Но за этой приманкой скрывалась нелепая конструкция. Если Джей сидел на стуле достаточно долго, то каштановое дерево неприятно впивалось ему в нижнюю часть спины и в подколенные впадины. И все равно он отказывался сдаться и заменить стул. Джей полагал, что такое место идеально подходит для убийцы вроде него. Его внешность тоже обманчива.

– Вы что, начали сегодняшний пир без меня? Как несправедливо. – Бун устроился на подлокотнике стула Джея, развязывая свой шейный платок и встряхивая головой, отчего его ангельские кудряшки превращались в хаос. – Кого мы сегодня пьем? – Его взгляд заговорщически блеснул, отчего он со своим кровавым пятнышком у рта стал похож на садиста.

Джей ничего не ответил. Он лишь поднял глаза, покосившись в сторону Буна. Затем перевел взгляд на то место, где сидел Бун. Тот тут же поднялся, но его зловещая улыбка растянулась шире.

– Приношу одиннадцать миллиардов извинений, – протянул он со своим тяжелым чарльстонским<sup>56</sup> акцентом. – Порой я забываю, как ты любишь этот поганный кусок хлама, называемый стулом.

Джей опять промолчал. Бун пожал одним плечом и повернулся к Арджуну, который сидел на диване неподалеку, покачивая хрустальный бокал в руках. Фейри-полукровка сделал очередной глоток янтарного напитка.

– Итак, – всплеснул руками Бун, – какие у нас планы на нынешний вечер?

– Бурбон. – Арджун качнул стаканом, изучая изгибы хрусталя сквозь линзу своего монокла. – Хороший, крепкий бурбон. Настоящий.

– Откуда?

– Из Кентукки, разумеется.

– Верный путь к моему сердцу. – Бун протянул руку с пустым бокалом Арджуну.

Вежливо усмехнувшись, этириал плеснул немного своего напитка Буну. Однако оказался достаточно умен и не стал предлагать налить и Джею.

Некоторым вампирам нравился вкус алкоголя. Он не помогал утолить жажду крови, однако многие бессмертные все равно любили ощущать, как крепкий напиток обжигает горло. А если выпить достаточно много, то приятное чувство головокружения ненадолго завладеет телом. Не всегда этого можно было добиться, но не так уж редко.

---

<sup>54</sup> Сприганы – разновидность фей в кельтской мифологии. Сприганы отличаются уродливой внешностью и сторожат сокровища, пугая и сбивая с верного пути путешественников.

<sup>55</sup> Кумихо – существо в корейской мифологии, женщина-оборотень, обладающая даром превращаться в лисицу.

<sup>56</sup> Чарльстон – крупнейший город штата Южная Каролина в США.

Джей не мог позволить себе затуманить рассудок ни днем ни ночью. Он взглянул на бесчисленные шрамы на тыльной стороне своей ладони, которые отливали белым в свете ламп. Воспоминание о той жуткой ночи, когда колдун поймал Джея в ловушку и пытал серебряным клинком, надеясь выведать какую-нибудь информацию о Никодиме, тут же всплыло в его сознании. В ту ночь Джей почти что сдался в объятия смерти от тысячи порезов. После того как ему наконец удалось бежать, потребовался почти целый год, чтобы вернуть себе прежние силы.

Злая искра зажглась во взгляде Джея, когда он вспомнил, что произошло потом. Годом позже он придумал особый вид мести для колдуна. Он до сих пор мысленно ликовал, припоминая, как кровь Мо Гвай окропила его лицо и стены пещеры, стекая по камням. Мольбы о пощаде колдуна до сих пор эхом раздавались в ушах Джея, словно жуткая, но сладкая мелодия.

Алкоголь притуплял чувства Джея, он больше никогда и ни за что не поддастся даже мимолетной слабости.

Одетта скользнула к центру комнаты. Она подперла подбородок рукой в перчатке и с любопытством смотрела на двух вампиров и этириала, устроившихся вокруг изысканного чайного столика.

– Вы только взгляните на эту невообразимую компанию. – Ее глаза метнулись вправо, а затем влево. – А где же Гортензия и Мэделин?

– Мэделин с Никодимом, – ответил Арджун, по-прежнему не отрывая глаз от жидкости в хрустальном сосуде, наблюдая как свет масляных ламп растекается по поверхности напитка.

– А Гортензия, скорее всего, на крыше, поет серенады под луной, – сказал Бун.

Внимание Одетты переместилось к противоположной части зала. Морщинка испуга появилась у нее на лбу. Джею даже не нужно было гадать, что ее так беспокоило. За последний месяц, с тех пор как Бастьяна обратили, она потратила больше времени, чем даже сам Джей, на то, чтобы усмирить худшие из наклонностей, которыми обладают новорожденные вампиры, – в основном, пылкое желание утопить последние отблески человечности в пороках и грехах.

Какие бы попытки Джей и Одетта ни предпринимали, чтобы заставить Бастьяна свернуть с пути саморазрушения, юный вампир отказывался следовать их советам. Ничего не изменится и сегодня ночью, в этом Джей был абсолютно убежден. Вокруг было слишком много магии – слишком много непредсказуемых факторов. Все это вынуждало Джея чувствовать себя дискомфортно, хотя он и отказывался это признавать. Его острые клыки были наготове.

Громкий кашель внезапно раздался за их спинами.

– Нет ли среди вас благородного джентльмена, желающего заработать немного лишних денег за несколько часов работы? – поинтересовался очень высокий мужчина, самодовольно раскинув руки, точно хвастающий товаром торговец краденым.

Руки Джея сжались в кулаки.

Натаниэль Виллерс.

– Что этот скользкий неудачник здесь забыл? – Арджун выругался, прежде чем проглотить остатки своего напитка.

Виллерсу было запрещено появляться в Львиных чертогах уже шесть месяцев. Полувеликан с сомнительными деловыми предложениями, пытавшийся как-то уговорить Буна продать ему свою вампирскую кровь, которая, по его уверениям, должна была помочь поткупателям овладеть навыком осознанных сновидений, если ее смешать в определенной пропорции с пейотом. Эта смесь стала удивительно востребованной и дорогой у европейцев, и Виллерс, похоже, решил заняться бизнесом на американских землях.

– Его мать была достойной женщиной. Лучшая великанша из всех немногих, с которыми я был знаком, – сказал Бун, презрительно приняв хавшись. – Она бы выпустила в него все до единой ледяной стрелы Сильван Вальд, если бы узнала, в кого он превратился.

Глаза Одетты угрожающе сверкнули, когда она уперла руки в бока и спросила:

– Кто позволил этому бездельнику-переростку ступить на порог нашего ресторана?

– У меня две догадки. – Бун мотнул головой в сторону импровизированного трона Бастьяна.

Недовольно заворчав, Одетта вскинула руки.

Джей откинулся на спинку стула, сердито втянув щеки.

Что нашло на Бастьяна, если он решил позволить Виллерсу прийти? Но что еще хуже, кажется, всем известный бездельник-переросток прибыл в компании трех колдунов из Атланты. Они, как это обычно бывает, теперь приставали к ничего не подозревающим юнцам, предлагая пожертвовать приличную сумму денег в пользу несуществующей благотворительной организации.

Джей не мог решить, что вызывало у него больше отвращения. Колдуны? Или же Атланта?

– С каких пор мы рады подобным гостям? – уточнил Бун, уставившись на подозрительных колдунов, мышца рядом с ямочкой на его подбородке задергалась.

– У меня две догадки, – успел лишь пробубнить Джей до того, как дверь на другом конце зала распахнулась так резко, словно в здание ворвался ураган. В следующую секунду на пороге появилась Гортензия Деморни, ее платье из кремово-бежевого газа раздувалось на рукавах, а подол путался под ногами. Она так же резко замерла, когда увидела Виллерса, затем задумчиво наклонила голову набок.

– Non, – произнесла она, поправив свои кудри. – Je n'ai pas assez faim pour ça<sup>57</sup>. – Затем она уселась на другом конце дивана и потянулась к бокалу Арджуна. Понюхав содержимое, она сморщила нос и огляделась, ее взгляд задержался на графине справа от Джея, в котором кровь, смешанная с абсентом, грелась над чайной свечой.

– Налей мне бокальчик, mon chaton<sup>58</sup>, – проворковала Гортензия, протягивая пустой стакан Джею. – В конце концов, это меньшее, что ты можешь для меня сделать. – Сама аура вокруг нее будто мерцала, как пар, поднимающийся из закипевшего чайника.

Джей почти что выполнил просьбу. Его рука потянулась по инерции, сама собой, но потом он опомнился и хмуро посмотрел на Гортензию.

Она хитро ухмыльнулась, как рысь, выгнув брови, и еще раз требовательно покачала пустым бокалом перед носом Джея.

Джея выводил из себя сам факт того, что Гортензия была чертовски похожа на Мэделин внешне, однако на деле две сестры были совсем разными. Гортензия пользовалась этим сходством бесчисленное количество раз, заставляя Джея делать то, что ей хочется, просто взмахнув ресницами и сделав умоляющее выражение лица.

Чувство вины все-таки очень действенная штука порой.

Одетта похлопала Гортензию по руке, как школьная учительница:

– Это не для тебя.

– Тронь меня еще раз на свой страх и риск, sorcière blanche<sup>59</sup>, – сказала Гортензия. Покосившись на дальний конец зала, она фыркнула, а затем запустила пальцы в свои черные кудри. – В любом случае у тебя и без того предостаточно проблем. – Она указала подбородком на Бастьяна. – Продолжайте ублажать его, как божество на празднестве, и он никогда не научится быть самостоятельным. Ему давно пора научиться жить, как живем мы. Уже прошел целый месяц.

– Для него все это до сих пор ново и непривычно, – возразила Одетта. – Я хочу, чтобы Бастьян научился выживать самостоятельно, так же сильно, как и все вы, но...

---

<sup>57</sup> Нет, я не настолько уж голодна для такого (фр.).

<sup>58</sup> Котенок (фр.).

<sup>59</sup> Белая ведьма (фр.).

– Ты хочешь, чтобы этот проказник научился выживать? – начал Бун низким голосом. – Тогда прекращай баловать его, как младенца в пеленках.

Гневные морщинки пролегли на лбу у Одетты.

– Я его не балую!

Джей оперся локтями о колени и посмотрел на нее из-под своих длинных черных волос. Лицо Одетты залил румянец, кровь, которую она недавно выпила, наполнила ее щеки.

– А твоего мнения никто и не спрашивал, *chat grincheux*<sup>60</sup>.

– А я ничего и не говорил, – хмыкнул Джей.

– И все равно ты режешь меня ножом.

Бун усмехнулся.

– Может, он просто царапается.

Одетта встала, ее бледный шелковый наряд закружился вокруг ее фигуры.

– Возвращайся к своему хобби и продолжай дальше сердито таращиться в пространство, сварливый ты кот, – сказала она Джею. – А ты избавь нас от своих жалких возмущений, господин Гончий. – Она одарила Буна испепеляющим взглядом.

Смех Гортензии разнесся под затянутым дымом потолком. А затем другой ветер пронесся по залу, наполненный ароматом французской лаванды и железистых чернил. Джей вдохнул знакомый запах, приказывая себе напрячься, приготовиться к встрече с новоприбывшим гостем Львиных чертогов. Когда он повернулся, то встретил уверенный взгляд Мэделин Деморни. Тепло в ее глазах при виде него растворилось почти моментально. Джей прочистил горло и отвернулся.

Некоторые вещи не меняются даже спустя сотню лет.

Джей огляделся по сторонам, ища, чем занять мысли. Какой же он все-таки дурак.

Себастьян Сен-Жермен сполз ниже на своем импровизированном троне, одну ногу в ботинке он закинул на подлокотник. Его измятую белую рубашу расстегивала девчонка, чья бабушка считалась глубокоуважаемой нимфой до того, как по неизвестным всем остальным причинам ее изгнала из Сильван Уайль правительница тех земель, известная под именем леди Силла.

Всего неделю назад эта девчонка (кажется, ее звали Жасмин) увидела племянника Никодима Сен-Жермена впервые и тут же положила на него глаз, сделав его своей первостепенной задачей, о которой еще месяц назад не могла и мечтать. Никодим ни за что бы не позволил единственному живому наследнику путаться у всех на виду с какой бы там ни было юной особой, если только та не вращалась в высших кругах Нового Орлена. Однако времена – и обстоятельства – изменились. Бастьян больше не был смертным, так что возможность того, что род Сен-Жерменов продолжится и у Себастьяна родится сын, была утеряна вместе с мыслями о самых заветных мечтах его создателя.

Если говорить коротко, на Бастьяна больше никто не возлагал никаких надежд. Да и он сам, похоже, не ожидал от себя больше ничего благородного.

Отвращение подкатило к горлу Джея, когда Жасмин, широко расставив ноги, уселась на Бастьяна, придерживая подол своих юбок одной рукой, а ладонь второй положив на его бронзовую грудь, точно на то месте, под которым когда-то билось живое сердце.

Бастьян ничего не сказал. Ничего не сделал. Лишь наблюдал за ней, сузив глаза, его зрачки опасно почернели.

Жасмин начала развязывать узелок на передней части своего голубого платья, хитро улыбаясь. Потом она провела пальцем от одной из своих обнаженных грудей к тонкой шее, наклоняя голову набок, как будто бы предлагая попробовать. Бастьян поднял ее подбородок вверх

---

<sup>60</sup> Сварливый кот (*фр.*).

большим пальцем, запустив остальные в ее темно-рыжие волосы. Затем подался вперед, ведя кончиком носа по ее ключице.

Не тратя ни секунды на раздумья, Джей метнулся с места, пересек комнату в три больших шага и схватил Жасмин за талию. Та завопила, изображая возмущение, когда Джей дернул ее, ставя на ноги, с такой легкостью, будто она весила не больше перышка.

– Убирайся отсюда, – прорычал он, злость делала его акцент заметнее. – Пока еще дышишь.

– Я так не думаю, вампир, – дерзко-чопорно ответила Жасмин. – Ты вообще знаешь, кто я такая? Моя бабка состояла в числе дворян Летнего королевства Сильван Уайль. А моя мать этириалка высшего сословия. Себастьян пригласил меня как почетную гостью. Если он хочет, чтобы я оставалась рядом с ним, то я...

– Оставайся на свой страх и риск, безмозглая ты сумка с кровью. – Джей притянул ее ближе к себе. – Но сначала я тебе кое-что пообещаю: если он не убьет тебя, то я убью. Для вампира нет ничего слаще, чем кровь жителя Уайль.

Румянец исчез с хорошенького личика Жасмин, она моргнула доставшимися ей от бабки аквамариновыми глазами, как загнанный в угол кролик. Не проронив ни слова, она поправила лиф платья и бросилась к изогнутой лестнице, ведущей в шумный ресторан внизу.

– Поднимайся.

Джей развернулся на месте при звуке этого голоса. Голоса их создателя. Голоса, которому они обязаны были подчиняться по закону крови. Никодим стоял перед Бастьяном, который продолжал валяться в кресле и попивать напиток из своего кубка с непринужденным видом, словно ничего необычного не произошло.

– Поднимайся, – повторил Никодим, тише на этот раз. Но и опаснее.

Джей забеспокоился, что Бастьян продолжит противиться указам Никодима, как делал весь месяц. Однако вместо этого Бастьян приветственно поднял свой кубок, а затем допил его содержимое, прежде чем отставить. Каждое его действие было соблазнительным, как желанная капля меда холодным декабрьским вечером. После этого Бастьян поднялся, выпрямившись во весь рост, расстегнутая рубашка соскользнула с одного плеча, а перстень с печаткой на правой руке поблескивал в полумраке, разбавленном светом ламп.

– Как пожелает мой создатель, – сказал Бастьян с ледяной усмешкой.

Никодим молча окинул его внимательным взглядом.

– Бери пальто и шляпу, – приказал он.

Бастьян поджал губы, сдавливая скулы.

Никодим встретил его взгляд, встав ближе, и добавил:

– Этой ночью ты наконец научишься жить так, как жить создан.

## Бастьян

За городом находится болото, которое тянется далеко, насколько хватает глаз.

Лошади или карете практически невозможно преодолеть его. Слишком много грязи, слишком непредсказуемые дороги. Веками эта естественная преграда защищала жителей Нового Орлеана от непрошенных гостей так же, как воды реки Миссисипи.

Последний раз я бродил по этому болоту, когда был еще мальчишкой. Я пробирался по местным трясинам и грязи в тот день, когда мы с моим лучшим другом Майклом Гримальди задумали расставить здесь ловушки, чтобы поймать огромных лягушек-волов. Позже в тот же день мне пришлось бежать обратно в город, к дому его двоюродного брата Луки в Мариньи, чтобы спасти Майкла из ила, в котором он увяз. В одиннадцать лет я был слишком маленьким и слабым, чтобы вытащить его самостоятельно, и я понимал, что не могу попросить помощи у Буна или Одетты, потому что соврал им о том, куда иду и что собираюсь делать.

Мэделин отказалась бы спасти Майкла просто потому, что он носил проклятую фамилию Гримальди. Гортензия рассмеялась бы мне в лицо в ответ на такую просьбу. А Джей? Я бы не вынес очередную вежливую нотацию от этого демона с глазами вурдалака. По всем вышеперечисленным причинам я решил прикусить язык и попросить помощи у Луки. Ко времени, когда мы вернулись, Майкл уже увяз по самую талию и был перепуган до смерти, думая, что его найдут аллигаторы и сожрут вместе с костями.

Как только мы вытащили его, Лука запретил нам дружить. Его слова должны были меня напугать. В конце концов Лука по праву наследования должен был в один прекрасный день возглавить Братство. В свои восемнадцать он уже был под два метра ростом, а его руки казались толстенными, как стволы деревьев, голос же гремел словно гром.

Я решил, что испугаюсь, только если Майкл испугается первым. Однако поскольку он не выглядел хоть сколько-нибудь обеспокоенным по этому поводу, мы продолжили дружить вопреки запретам наших семей. И мы оставались друзьями до одного осеннего вечера четырьмя годами позднее, когда Майкл застучал меня целующим девчонку на балу, которая нравилась ему уже несколько месяцев.

Должен признать, это был не лучший из совершенных мною поступков.

Мои ноги скользят по груде листьев и хлюпают по грязи, пока я шагаю за дядей по темному болоту, вслушиваясь в ворчание и бормотания существ вокруг себя, пытаюсь понять, считают ли меня сегодня едой или противником.

Мне следовало извиниться перед Майклом в тот вечер. Но вместо этого я начал с ним ссориться. Из всех возможных ролей я избрал роль жертвы.

– Она первая меня поцеловала.

– Это неважно! Кому ты верен, Бастьян? Я должен был догадаться, что жуликоватому Сен-Жермену нельзя доверять, такое добром не кончается.

– Я не виноват в том, что она выбрала меня, а не тебя, Гримальди. Разве кто-то может сделать иной выбор между нами двумя?

Я морщусь, вспоминая, как кровь отхлынула от лица Майкла, заставив его побледнеть, когда я произнес эти слова; вспоминая, как я провел тогда пальцам по своим волосам, что, пожалуй, было единственным свидетельством чувства вины, поглотившего меня в тот момент; вспоминая, что после того случая Майкл перестал мне доверять. Мы оба просто закрылись в себе, перестав общаться. Следующим же утром я коротко подстригся и носил такую прическу с тех самых пор.

В ту ночь я потерял больше, чем просто хорошего друга. Я потерял брата. И неважно, как Майкл старался унижить меня все последующие годы, пытаюсь доказать, что в сравнении с ним я ничтожество. Как он старался и учился, чтобы стать лучшим в классе, пока я получал

награды за соревнования по фехтованию и умению ездить верхом. Мы оба силились доказать свое превосходство.

«В один прекрасный день все увидят, какой ты на самом деле, Себастьян. И никакое количество денег, никакие титулы и статус не помешают людям понять то, на что я потратил слишком много лет. Без своего дяди ты никто. Ничтожество».

Даже теперь слова Майкла бередают рану, которая никогда не заживет.

Мне следовало сказать ему, что тот поцелуй после танца был моей виной, только моей виной. Я ведь понимал, чем это может обернуться, и я могу быть выше подобной чепухи. Убеждал себя, что Майкл простит мне эту шалость, как прощал прежде другие. Я ошибся.

Однако теперь я скорее сгорию в Аду, чем признаюсь, что был не прав. Особенно чем принесу извинения святоше Гримальди.

– Ты знаешь, почему нас называют Падшими? – Никодим внезапно останавливается посреди подтопленного отрезка пути, заставляя меня прервать мрачные размышления.

Если бы я все еще был смертным, то, скорее всего, для начала бы задумался над своим ответом. Однако учитывая, что теперь мне нечего терять, я отвечаю первое, что приходит в голову:

– Я никогда не встречал скромных вампиров, так что мне остается лишь думать о том, что это как-то связано с Люцифером, который стал падшим ангелом.

Никодим разворачивается на месте. Меня выводит из себя то, что ему до сих пор удастся выглядеть гордо и властно, несмотря на тот факт, что его темные штаны и трость перепачканы грязью.

– Это самая распространенная версия, да, – говорит он, и его губы складываются в узкую линию. – Однако не единственная причина.

Я молча жду продолжения.

Он идет дальше, уверенно и целенаправленно.

– Тысячу лет назад Сильван Уайль и Сильван Вальд не были разделены, – начинает свой рассказ он так тихо, что обычный человек его едва бы услышал. – Они были единым целым. Место с именем, которое мы больше не произносим, ибо старое имя приносит слишком много печали и боли. Единым королевством управляли король и королева, которые восседали на рогатом троне. Смертные из другого мира пели колыбельные своим детям, рассказывая о том месте, а поэты сочиняли о нем сонеты, восславляя его. Тир-на-Ног, Страна фей, Асгард, Долина Луны, – всевозможные причудливые имена давали тем землям в течение многих сотен лет. – Я слышу в его голосе улыбку. – Однако для тех, кто жил там, это место звалось просто домом. – Явная тоска теперь смягчает его серьезный голос.

Я ничего не отвечаю, хотя очень хочу узнать больше. Мой дядя никогда не рассказывал мне о своем прошлом, лишь вскользь упоминал о некоторых общеизвестных фактах. Я помню, как однажды моя сестра, Эмили, упрашивала Никодима рассказать ей о загадочном Другом мире, о том, каким он был до того, как вампиров и оборотней отправили в Изгнание. Просила его описать замки, вырезанные из льда, и леса, погруженные в бесконечную ночную мглу. Он со смехом отказал ей тогда. С жестоким смехом.

И ради нее сейчас, во имя своих воспоминаний о ней, я не стану просить его продолжать.

Никодим уверенно продвигается дальше по тьме, в сторону островка теплого света, мерцающего вдалеке. Мы проходим мимо рощицы ниссовых деревьев с изогнутыми стволами, мимо стервятника, который выгибает шею, чтобы взглянуть на меня со своего местечка на скелетообразной ветке, его немигающий взгляд останавливается на мне. Справа от меня в болоте притихли аллигаторы, а лягушки-волы квакают свои гнусавые мелодии.

Куда бы я ни взглянул, я замечаю бдительные хищные взгляды. Рой насекомых; мелькающие, точно раскаты молний в небе, хищные языки; шорох хлопающих крыльев или щелкаю-



щих челюстей. Удивительно, но я чувствую себя здесь уютно, как дома. Как будто я тоже один из хищников старого болота.

Быть может, я и впрямь теперь один из них. Быть может, эти топи ждут не дождутся, когда смогут заглотить меня целиком. По крайней мере, мне здесь рады.

Аромат смертной крови ударяет в нос, заставляя меня замереть в полушаге. Отдаленные человеческие крики раздаются среди какофонии звуков. Когда я приближаюсь, они становятся различимее, отдаленно напоминая слова проклятий и подбадривающих возгласов.

Я замираю, хотя этот запах такой теплый, а медно-солоноватый привкус сдавливает мне горло, и голод пульсирует в моих венах. Я прищуриваюсь. Что-то в этом запахе... не так. Что-то отличается, будто бы это теплый мед, а не топлёный сахар.

Никодим снова останавливается. Поворачивается ко мне.

– Что-то случилось? – уточняет он невозмутимо.

Новое испытание.

Я задумываюсь над ответом не больше чем на секунду.

– Нет, – говорю ему я. А затем расправляю плечи и добавляю: – Пожалуйста, продолжай. – Делаю вежливый жест рукой, подчеркивая свои слова.

Многозначительная улыбка изгибает губы Никодима.

– Когда последний правитель Другого мира умер и не оставил наследника на рогатый трон, – говорит он, – два влиятельных рода начали бороться за корону и власть. Один род пил кровь, другой владел магией.

Я слушаю и жду, хотя крики и кровь вдалеке влекут меня, словно нектар – пчел.

– Вампиры были хитры. – взгляд Никодима проходит сквозь меня, теряясь в воспоминаниях. – Им удалось накопить немало богатств за сотни лет. У них имелись земли и припасы, а также самое ценное богатство как в мире смертных, так и в Другом мире: драгоценные камни, спрятанные глубоко в ледяных горах. – Он делает вдох, втягивая витающий вокруг нас аромат. – Вампиры полагали, что неуязвимы, ибо их почти невозможно убить, невозможно заставить врасплох. Они шагают сквозь время и пространство, а темная магия, что бежит по их венам, может залечить любые раны со скоростью испарения ртути. И это правда, ведь только точный удар в грудь или в шею лезвием из чистейшего серебра может оставить их без защиты.

Суматоха на горизонте становится почти что дикой, и воздух наполняется жадной кровью. Никодим делает еще один шаг в том направлении, и свет факелов перед ним проникает сквозь стебли так называемого испанского мха, ниспадающего с ветвей деревьев вокруг нас.

– В противовес этому, – бросает мне через плечо Никодим, – волшебницы контролировали всевозможные формы магии стихий, а это само по себе уникальная сила. Однако обладателей подобного дара становилось все меньше с каждым новым поколением. В наши дни рождение волшебницы стихий становится настоящим праздником. Некоторые могут управлять огнем. Другие – водой или воздухом. Иные могут заставить саму землю дрожать под их ногами. Волшебницы полагали, что подобная редкая магия наделяла их могуществом, ибо она делала их незаменимыми для прочих созданий Другого мира. Вода могла орошать плодородные поля. Огонь плавил металлы. Но важнее всего то, что такая магия наделяла волшебниц знаниями. Магические народы со всех земель приходили к таким женщинам за советом, так как их мудрость позволяла им создавать оружие и доспехи из твердого куска серебра. Давала им способность завоевывать, вместо того чтобы оказаться завоеванными.

Я придвигаюсь ближе к дяде, жадно слушая его рассказ, точно голодный бродяжка, спешащий за тележками с едой по улице Бурбон.

– Разразилась война за рогатый трон между вампирами и волшебницами, – говорит Никодим. – Оборотни, гоблины и большинство ночных созданий встали на сторону вампиров, в то время как те, кто предпочитал солнечный свет, сражались на стороне волшебниц. – Выражение его лица становится задумчивым. – Война отняла много жизней. Спустя полсотни лет крово-

пролитий победитель так и не был определен. Устав от смертей и разрушений, главы двух воюющих кланов сошлись во мнении, что ситуация безвыходная, и согласились заключить перемирие. Земли разделили надвое, вечную зиму Сильван Вальд отдал под власть вампиров, а летний Сильван Уайль – феям-волшебницам.

– Какое-то время все жили в мире. Пока кровопийцы не начали заявлять права на мир смертных. – Опасный огонек зажигается в глазах дяди. – Все началось с мелких, незначительных поступков: исполнения глупых желаний, простых предсказаний, продажи драгоценных камней, которые не представляли особой ценности, однако помогали забрать золото у простодушных людей, которые готовы были за эти камни побороться. Волки, или оборотни, поднявшиеся по службе и ставшие стражниками Сильван Вальд, начали тоже затевать разное в мире смертных, основав рынок, полный магических артефактов в городах вроде Нового Орлеана, Джайпура, Дублина, Люксора, Сеула, Ангкора – городов, где граница между мирами всегда была наитончайшей. Городов, которыми нашему виду суждено было править. – Теперь дядя серьезно. – Это были как раз те времена, когда мой создатель поделился со мной своим темным даром. Его впечатлила моя деловая проницательность, он сделал меня вампиром и взял с собой в Сильван Вальд, где я прожил пятьдесят смертных лет... до Изгнания.

Дядя больше ничего не добавляет, и мы наконец проходим сквозь заросли деревьев. Возгласы становятся еще громче, запах жестокости заставляет мои клыки удлиняться, а мою кровь разогреваться с каждым шагом. Мы подходим ближе к кругу, очерченному горящими факелами, вокруг которого собрались всевозможные существа – твари, каких я не видел никогда в жизни. В самом центре кое-как сколочен боксерский ринг, и грязь присыпана неряшливыми опилками.

Я делаю глубокий вдох.

– Вспори ему брюхо, как гнилой рыбине! – кричит одноглазый гоблин, размахивая когтистыми кулаками в воздухе.

Причина необычного аромата с примесью крови и пота становится мне ясна, когда я разглядываю двоих мужчин на ринге. Один обладает нечеловечески высоким ростом, его худое лицо странно вытянуто. Другой же коренастый, с круглыми плечами, двигается, точно козел, а его ноги, начиная от бедер, выгнуты назад. Намек на два бесформенных рога виднеется на его массивной алой голове.

Я дальше изучаю толпу, и все, что я вижу, лишь подтверждает мои догадки.

Большинство существ, собравшихся на болоте ради ночного представления, полукровки. Дети или внуки от браков смертных с бессмертными. Те, у кого недостаточно магических способностей, чтобы скрыть свою внешность, магии, которая помогла бы утаить их истинную сущность от простых людей. Вероятно, именно это и вынуждает их собираться здесь, во тьме ночи, подальше от света цивилизации.

Драка становится жестокой, когда великан хватается пака и резко швыряет его в грязь. Затем, выставив обнаженную грудь вперед, он бросается на толпу зрителей сбоку, которые разлетаются от его ударов, как шахматные фигурки на доске, выкрикивая ругательства в ночную темноту. Пак замирает на миг, смахивает ошметки опилок, пропитавшиеся его кровью и приставшие к бородатому лицу, а потом снова несется на великана, сжимая кулаки и целясь своему сопернику прямо в лицо.

– Оторви ему рога, бесполезный ты мешок с костями! – вопит в толпе пожилой мужчина с серой челюстью, как у волка. – Я не собираюсь снова проигрывать свои деньги, заработанные тяжелым трудом, чтоб тебя.

Глаза моего дяди блестят, словно золото, пока он наблюдает, как великан-полукровка выплевывает половину своих зубов в грязь.

Мне хочется спросить, зачем мы сюда пришли. Однако, боюсь, я и без вопросов уже знаю ответ.

Битва продолжается, даже когда кто-то бросает на ринг ржавый кинжал. Оба, и великан, и пак, несутся к оружию, после чего драка превращается в хаос.

– Когда волшебницы узнали, что вытворяли вампиры, узнали, какие богатства они пытаются накопить и какое влияние хотят обрести среди смертных, они стали ждать удобного случая, чтобы напасть, – продолжает Никодим непринужденным тоном, несмотря на крики и жестокость вокруг.

Я слушаю, поджав губы и никак не выдавая своей тревоги.

Он наклоняет голову, чтобы взглянуть на меня.

– Вместо того чтобы подстрекать остальных на восстание, – говорит дядя, – волшебницы начали распространять ложь о вампирах. Они рассказывали всем о том, что кровососы решили отвернуться от остальных и избрать смертных своими союзниками. В конце концов они и вовсе сказали, что мы предпочитаем смертных, потому что людей проще контролировать, потому что они относятся к нам как к королям. Видят в нас богов. – Он усмехается, но в его смехе проскальзывает горечь. – Но каждый знает, чего вампиры всегда желали больше всего... быть любимыми. – Он внезапно поворачивается ко мне с серьезным выражением лица. – Скажи мне, Бастьян, что является самым элегантным оружием в мире?

Я отвечаю не задумываясь, глядя ему прямо в глаза:

– Любовь.

– Мудрая мысль. – Он кивает. – Но нет. Страх. Со страхом ты можешь отправить целые армии на верную смерть и править королевствами. – Улыбка теплится на его губах. – С достаточным количеством страха ты можешь породить ненависть, пока она не разгорится, как дикий огонь, сжигая все на своем пути.

Победные вопли слышатся вокруг нас. Я поворачиваю голову как раз в тот момент, когда великан выдергивает ржавое лезвие кинжала из ребер пака, который судорожно пыхтит, пытаясь остановить кровь, льющуюся из раны.

Клыки моего дяди сияют в свете горящих факелов, а радужки его глаз чернеют.

– Имея в своем распоряжении самое элегантное оружие, волшебницы провозгласили, что вампиры должны принадлежать миру смертных, раз так сильно желают любви этих гадких созданий. – Он прерывается на аплодисменты, когда пак падает на землю, усеянную опилками, тяжело хрипя. Зрители начинают звенеть монетами, обмениваясь деньгами, которые ставили на кон, но крики становятся более жуткими. Справа от нас начинается драка, и потные тела, сплетаясь в схватке, падают в сырое месиво под ногами.

Никодим игнорирует происходящее, стряхивая грязь со своего плеча.

– Затем предводительница волшебниц, правительница Уайль, леди Силла, узнала информацию, которая могла помочь им нас полностью уничтожить. Один вампир предложил свой могущественный дар бессмертия человеку в обмен на возможность править королевством, заполучить которое он жаждал больше всего на свете, – шепчет дядя, в его черных глазах уже не осталось ни капли света. – Самое ужасное оскорбление. Бессмертие – награда, которую вправе получить лишь самые достойные, подобным даром нельзя торговать. Потребовалось не так много времени, чтобы весь Другой мир объединился ради одной цели: изгнать вампиров из Сильва Вальд вместе с предателями-оборотнями, которые защищали нас веками. Нашими сторожевыми псами, – говорит он, произнося слова так, чтобы было понятно – это оскорбление.

Коротенький мужичок с круглым, как луна, брюхом, шагает в центр усыпанного опилками ринга, утаптывая землю под ногами тяжелыми шагами. Он вскидывает руки и разводит их в стороны, привлекая таким образом внимание и прося у собравшейся вокруг толпы тишины.

– А сейчас, – он делает паузу для пущего драматизма, подергивая своими засаленными усиками, – настало время поединка, которого все мы сегодня так ждали.

Мои руки сжимаются в кулаки сами собой. Я не глуп, прекрасно понимаю, к чему все идет.

– Во имя славы своего рода и ради гордого звания чемпиона наш собственный непобедимый Болотный Камбион<sup>61</sup> сразится с новичком, – продолжает тучный мужичок. – Нас ждет настоящий бой века!

Толпа расступается, когда высокий мужчина с руками, точно два пушечных ствола, выходит в центр ринга. У него черные глаза с желтыми продолговатыми зрачками, а его волосы красны, словно огонь, кожа же напоминает по оттенку скисшее молоко. Вместо пальцев на руках у него когти, которые блестят, точно гагат в свете тлеющих факелов.

Я смотрю на своего дядю, гнев жжет мне горло, но страх парализует изнутри.

– Ну а его противник? – эмоционально продолжает ведущий. – Элегантный вампир из самого центра Vieux Carré! – вскрикивает он. Пренебрежительные смешки следуют за его словами, разносясь эхом по толпе зрителей.

Никодим поворачивается ко мне, на его лице застыло выражение ни с чем не сравнимого удовольствия.

Я кошусь на него сердито:

– Я отказываюсь участв...

– Это твой первый урок, – обрывает он меня, движением руки показывая, что мои отказы его не волнуют. – Моим создателем был Махмед, лорд Сильван Вальд. Теперь это и твоя семья, которую когда-то вынудили покинуть свои законные земли. Теперь это и твоя королевская кровь, которую оклеветали, окрестив падшей. Нас изгнали из родного дома, которым мы правили на протяжении почти что пяти сотен лет. Мы потеряли все, что имели. Мы единственные бессмертные, проклятые и вынужденные убивать, чтобы создать нового представителя вида. Оставленные во тьме навеки.

Возгласы вокруг нас становятся громче, язвительные замечания раздражают меня, точно когти, царапающие кожу.

Мой дядя кладет руку мне на плечо, зубы у него во рту напоминают змеиные клыки, когда он добавляет:

– Я не хотел верить, что для твоей смерти есть причина, что есть высший замысел, вынудивший меня даровать тебе бессмертие. Что есть некая причина положить конец моему роду в мире смертных. Однако теперь я знаю правду. Ты вернешь все, что принадлежит нам по праву, Себастьян. Именно ты вернешь нам наше место на рогатом троне. И это лишь начало всего. Покажи им, как ты силен. Заставь их тебя бояться.

Сказав это, он выталкивает меня на ринг.

---

<sup>61</sup> Камбион – существо европейской мифологии, отпрыск инкуба, суккуба или ребенок от брака человека и демона.

## Бастьян

У меня нет времени, чтобы думать или возражать.

В тот самый момент, когда мои ноги оказываются на ринге, Камбион бросается в атаку, его желтые зрачки устремляются на меня. Я отскакиваю вбок за долю секунды до того, как его когти пронзают воздух, в миллиметре от того места, где я стоял всего мгновение назад. Мысли закручиваются вихрем в моей голове, но все они нечеткие, все затянuty злостью.

Он куда больше, чем я, просто огромный, однако у меня есть преимущество в скорости и маневренности. Я пытаюсь наброситься на него сзади, надеясь поставить его на колени, однако плащ стесняет мои движения. Я срываю его, одновременно уклоняясь от новой атаки. Ярость затмевает взор, раскрашивая мир вокруг оттенками красного, моя белая рубашка и жилет падают в грязь, превращаясь в полосы рваного хлопка и шерсти.

Только глупцы раздумывают. Если я хочу победить, я должен стать страхом. Я должен стать смертью.

Камбион целится мне в живот. Мне удастся увернуться, изогнувшись, как осина. Но я не понимаю, что это уловка, до того момента, пока не становится поздно. Я не успеваю сделать новый выпад, и правый кулак Камбиона врезается мне в челюсть со звуком раската грома, моя голова трещит от удара. Я отступаю назад. Чтобы у меня было время прийти в себя и собраться с мыслями, я притворяюсь, что отшатываюсь, но потом якобы меняю решение. А затем бросаюсь на своего противника, обнажая острые клыки.

Камбион на голову выше меня. Широкий, как бык, а в его жилах течет кровь полудемона, сила которой мне незнакома.

Однако я Сен-Жермен. В моих жилах течет кровь самых древних из бессмертных созданий, бывавших в землях Южной Америки. Кровь вампирской знати.

Никогда я не сбегал от драки, ни в одной из своих жизней.

Ярость плещется у меня под кожей, когда я наношу несколько ударов Камбиону в живот, а потом нависаю над ним, собираясь вонзить зубы ему в горло и вырвать его глотку. Однако когда я приближаюсь, противник хватает меня за талию и поднимает над головой. У меня перед глазами мелькают небо и бесчисленные звезды, усеивающие ночной небосвод, когда я выгибаю пальцы на левой руке Камбиона, ломая их, злое удовлетворение наполняет меня от звука ломающихся костей. Он воет от боли, и от его истошного крика кипарисы вокруг нас содрогаются. Камбион поворачивается на месте, трясая меня над головой в теплом мартовском воздухе. Когда он разжимает наконец хватку, я, сгибая пальцы, словно когти, вонзаю их в его мясистое плечо, пуская кровь до того, как рухнуть в грязь. Я падаю прямо на гору опилок, и мои ноги скользят по илу, руки выставлены вперед.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.